

Е. Ф. ШМУРЛО.

ЭТЮДЫ О ПУШКИНѢ.

I. РОЛЬ КАРАМЗИНА ВЪ СОЗДАНИИ ПУШКИНСКАГО „БОРИСА ГОДУНОВА“.

I.

Столѣтняя годовщина смерти Карамзина (ум. 22 мая 1826 г.) почти совпадаетъ съ столѣтіемъ окончанія Пушкинымъ его знаменитой „Комедіи о настоящей бѣдѣ Московскому государству“ : послѣднія строки „Бориса Годунова“ были написаны 7 ноября 1825 года, всего на шесть, на семь мѣсяцевъ раньше. Свой трудъ Пушкинъ, какъ извѣстно, посвятилъ „съ благоговѣніемъ и благодарностію“ „драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина“, какъ трудъ. „геніемъ его вдохновенный“.

Эта духовная связь одного изъ геніальнѣйшихъ произведеній нашей отечественной литературы съ другимъ, тоже однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій русской исторіографіи XIX вѣка установлена давнымъ давно и никогда никѣмъ, въ ея основномъ, не оспаривалась; однако, напомнить о ней, нѣсколько внимательнѣе всмотрѣться и вдуматься въ нее, кажется, не будетъ излишнимъ и въ наше время, особенно, когда теперь, даже сто лѣтъ спустя, и размѣры зависимости поэтического произведенія отъ историческаго, и характеръ вліянія историка на поэта одинаково продолжаютъ оставаться спорными, по крайней мѣрѣ ихъ можно устанавливать и расцѣпывать не во всемъ сходно и согласно.

Эта расцѣпка имѣетъ свои историческіе этапы. Первый этапъ хронологически совпадаетъ съ тридцатыми и сороковыми годами прошлаго столѣтія ; его опредѣляютъ имена Полевого, извѣстнаго издателя „Московскаго Телеграфа“, автора „Исторіи Русскаго народа“, и Бѣлинскаго, знаменитаго критика. Второй этапъ обозначился публичной, въ пользу голодающихъ, лекціей покойнаго профессора-академика И. Н. Жданова, прочитанной въ 1891 г., на тему : „О драмѣ А. С. Пушкина Борисъ Годуновъ“. Почти сорокъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этой лекціи, и неудивительно, если замѣчательные успѣхи послѣднихъ десятилѣтій нашего пушкиновѣдѣнія даютъ въ настоящее время воз-

возможность внести некоторые поправки в расценку не только первоначальную (Полевого и Бѣлинскаго), но и послѣдующую (Ждановскую), и на всегда интересовавшей изслѣдователя вопросъ о степени вліянія Карамзина на Пушкина дать отвѣтъ болѣе точный и, думается, болѣе обоснованный.

Полевой и Бѣлинскій подчеркивали рабскую подражательность Пушкина. Полевой говоритъ: „Языкъ русскій доведенъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ наше время, степени совершенства; сущность творенія, напротивъ, запоздалая и близорукая; и могла ли она не быть такою... , когда Пушкинъ рабски влекъ по слѣдамъ Карамзина въ обзорѣ событій, и когда посвященіемъ своего творенія Карамзину онъ невольнo заставляеть улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то раболѣпствѣ называя Карамзина — Богъ знаетъ чѣмъ“.¹⁾

Вслѣдъ за Полевымъ и Бѣлинскій заявлялъ: „Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину, и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ... Онъ увлекся авторитетомъ Карамзина и безусловно покори́лся ему и до того вошелъ въ духъ „Исторіи Государства Россійскаго“, „до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто, какъ исторію, но какъ политической и государственной коранъ, должнствующій быть пригоднымъ, какъ нельзя лучше, и для нашего времени и остаться такимъ навсегда“.²⁾

Эту мысль двухъ выдающихся литературныхъ критиковъ Николаевскаго царствованія усвоилъ, во времена Александра II, и третій, тоже видный критикъ — Аполлонъ Григорьевъ. „Исторія Карамзина, — говоритъ онъ, — легла, какъ тяжелый камень, на дѣятельность цѣлыхъ поколѣній и испортила величайшее созданіе Пушкина“: личность Бориса фальшива, потому что создана по Карамзину.³⁾

Ждановъ энергично возсталъ противъ мысли о „рабской зависимости Пушкина отъ Карамзина“. „Самостоятельное изученіе и пониманіе (Пушкинымъ) времени Годунова“ онъ доказывалъ путемъ сопоставленія пушкинскаго текста съ источниками не-карамзинскаго происхожденія. Тезисъ Жданова, въ основѣ своей совершенно правильный, получилъ съ тѣхъ поръ право гражданства въ пушкинской литературѣ: Ѡ. Д. Батюшковъ и П. О. Морозовъ въ своихъ комментаріяхъ на „Бориса Годунова“, въ Венгеровскомъ и Академическомъ изданіяхъ сочиненій поэта, стали на ту же точку зрѣнія.

Ждановъ едва ли не первый изъ изслѣдователей занялся выясненіемъ первоисточниковъ Пушкина и тѣмъ оказалъ несомнѣнную

¹⁾ „Московскій Телеграфъ“ 1831, часть 37, № 21, стр. 244—246. См. Сочиненія Пушкина, Акад. изд., т. IV, 159.

²⁾ Ждановъ, О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (лекція въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая). Спб. 1892, стр. 9, 11; Сочиненія, II, 105, 107.

³⁾ Сочиненія Пушкина, Акад. изд., т. IV, 162.

услугу въ изученіи вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поставленъ критикою Николаевского царствованія.

1. Такъ, онъ справедливо указалъ на то, что характеристика Марины Мнишекъ, весьма возможно, навѣяна „Краткою Повѣстью о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ“: невѣсту Лжедмитрія Пушкинъ освѣтилъ иначе, чѣмъ Карамзинъ.¹⁾ Марина у Карамзина „честолюбива“, „вѣтрена“, Лжедмитрій „вскружилъ ей голову именемъ царицы“;²⁾ у Пушкина, наоборотъ, Лжедмитрій самъ увлекается ею и пылко, до самозабвенія любитъ.

2. Разсказъ Пимена о видѣніи, въ предсмертные часы, царю Феодору ангела Пушкинъ, конечно, заимствовалъ тоже не у Карамзина: у того сказано кратко: „пишутъ, что онъ, умирая, видѣлъ ангела“;³⁾ между тѣмъ Пименъ разсказываетъ:

„ . . . а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтель.
И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
И называть великимъ патріархомъ.
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святыи владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находилъ.“

Эту картину поэтъ создалъ примѣнительно къ жизнеописанію царя Феодора, составленному патр. Іовомъ; ознакомиться же съ нимъ онъ могъ по тексту Никоновской лѣтописи.⁴⁾

3. Собирая матеріалъ не у одного Карамзина, Пушкинъ, какъ правильно замѣчаетъ Ждановъ, и въ истолкованіи событій остается независимымъ. Сцена (III) на Дѣвичьемъ полѣ, хотя матеріаломъ для нея послужили данныя, указанныя Карамзинымъ, излагаетъ событія совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, какое придавалъ имъ историкъ: тотъ подчеркиваетъ восторгъ народный, желаніе видѣть Бориса на тронѣ; Пушкинъ, наоборотъ, даетъ понять, что избраніе отнюдь не было такъ искренно, что народная масса, въ сущности, оставалась равнодушной къ тому, кто будетъ царствовать надъ нею, и готова была даже глумиться надъ самой торжественностью акта избранія.⁵⁾

¹⁾ Ждановъ, Лекція, 16; Сочиненія, II, 113—114.

²⁾ Карамзинъ, XI, 137.

³⁾ Карамзинъ, X, прим. 372.

⁴⁾ Русская Лѣтопись по Никонову списку, ч. VII (Спб. 1791), 348; ч. VIII (Спб. 1792), 34—35. См. также „Повѣсть о честномъ житіи ц. и вел. князя Феодора Ивановича всея Руссіи“ (Полн. Собр. Р. Лѣт., XIV, полов. 1-я, Спб. 1910, 16—17).

⁵⁾ Не мѣшаетъ напомнить, что говоритъ по этому поводу Павловъ-Сильванскій: Пушкинъ неправильно понялъ смыслъ лѣтописнаго извѣстія, прочитаннаго имъ у Карамзина. Карамзинъ говоритъ: „Въ рукописной грамотѣ: „жены ссущихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху“. Въ одномъ Хронографѣ сказано, что нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать, но

Указанія Жданова, по существу совершенно правильныя, нашли свое продолженіе въ указаніяхъ и другихъ изслѣдователей,¹⁾ но составляютъ ли они послѣднее слово? Въ вопросѣ о вліяніи Карамзина на Пушкина необходимо различать его матеріальную зависимость отъ его духовной самостоятельности: первая отнюдь не противорѣчила второй, а вторая отнюдь не зависѣла отъ первой. Духовная самостоятельность не мѣшала пользоваться карамзинскимъ матеріаломъ, все равно, бралъ ли поэтъ его въ готовомъ освѣщеніи (разъ оно совпадало съ его собственнымъ пониманіемъ фактовъ), или перерабатывая его на свой ладъ; а съ другой стороны, матеріальная зависимость отъ „Исторіи“ не мѣшала Пушкину привлекать матеріалъ и не-карамзинскій, извлекая изъ него то, что онъ считалъ необходимымъ и подходящимъ для себя.

Что зависимость матеріальная отъ „Исторіи Г. Р.“ была велика — это обстоятельно указано въ обширныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту „Бориса Годунова“ въ Поливановскомъ и Академическомъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, равно и въ спеціальному трудѣ Филонова.²⁾ Послѣдній продѣлалъ въ этомъ направленіи большую детальную работу, прослѣдивъ шагъ за шагомъ, сцена за сценой заимствованія Пушкина, отмѣчая отдѣльныя слова и выраженія, эпитеты, сравненія, факты, заимствованные поэтомъ цѣликомъ или съ небольшимъ измѣненіемъ.³⁾

А что касается духовной самостоятельности поэта, то она была отмѣчена еще до Жданова тѣмъ же Поливановымъ: „Тщательное сличеніе „Бориса Годунова“ съ соотвѣтствующими мѣстами „Исторіи Государства Россійскаго“, — говоритъ онъ, — убѣждаетъ, какъ от-

не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною“ (X, прим. 397). У Пушкина же баба бросаетъ ребенка „объ земь“, причемъ ребенокъ пищитъ; между тѣмъ выраженіе: жены ссу ихъ младенецъ на землю пометаху означаетъ, что „женщины такъ слезно рыдали, что дѣти падали у нихъ съ рукъ“, или что „матери кинули своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика“ (какъ это сказано у самого Карамзина). П.-Сильванскій, Сочиненія, II, 29, и въ Венгеровскомъ изданіи сочиненій Пушкина, II, 311.

¹⁾ Монологъ Бориса: „Достигъ я высшей власти“ (сц. 7-я) сложился, вѣроятно, не безъ вліянія одноименной думы Рылѣева (Сиповскій, Пушкинъ, Жизнь и творчество Пушкина. Спб., 1907, стр. 539). Батюшковъ и Морозовъ (Академическое и Венгеровское изданія сочиненій Пушкина) отмѣчаютъ, какъ части произведенія, созданныя Пушкинымъ независимо отъ „Исторіи Г. Р.“: 1) обращеніе Бориса къ патріарху и къ боярамъ: „Ты, отче, патріархъ, вы всѣ бояре“ (сц. IV: „Кремлевскія палаты“); 2) восхитительный монологъ Пимена и его бѣсѣду съ Григоріемъ (сц. 6-я); 3) появленіе молодого Курбскаго (сц. 15-я: „Граница Литовская“; см. также сцену 11-ю: „Краковъ. Домъ Вишневецкаго“); 4) появленіе юридикаго (сц. 18-я: „Площадь передъ соборомъ“). Ниже, однако, будетъ показано, что относительно сцены Пимена съ Григоріемъ необходимо сдѣлать оговорку, и даже очень большую.

²⁾ Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899, 174 стр.

³⁾ Къ сожалѣнію, слишкомъ близкое разсматриваніе въ „лупу“ мѣстами помѣшало автору, въ прямой ущербъ собственному тезису, подмѣтить, кромѣ деталей, мелкихъ „дереьевъ“, также и самый „лѣсъ“.

скакивало все сентиментальное и резонерское въ ловкихъ рукахъ Пушкина при пользованіи этимъ источникомъ, и какъ порою обезсиленные требованіями ложной школы очерки наполнялись яркимъ и жизненнымъ содержаніемъ... Обыкновенно указываютъ на то, что Пушкинъ положилъ въ основу своей пьесы мысль, что Лжедмитрій былъ карою гнѣва небеснаго святоубійцѣ за убіеніе царевича, — мысль, взятую имъ у моралиста Карамзина. Но мысль эта вовсе не принадлежитъ Карамзину, а лѣтописямъ, т. е. людямъ XVII вѣка, а во-вторыхъ, эта мысль вовсе и не положена въ основу трагедіи^{.1)}

Недавно найденныя замѣтки — возраженія Пушкина на поляхъ журнальной статьи Погодина о Борисѣ Годуновѣ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1829 года даютъ правильное основаніе новѣйшимъ изслѣдователямъ говорить: „Возраженія эти, писанныя бѣгло, при самомъ чтеніи статьи и спустя четыре года послѣ окончанія работъ надъ драмой, показываютъ лишній разъ, какъ близко знакомъ былъ Пушкинъ не только съ Карамзинымъ, но и съ источниками; какъ глубоко, тонко и добросовѣстно изучилъ онъ матеріалы прежде, чѣмъ составилъ опредѣленный взглядъ на своего героя, и съ какимъ, слѣдовательно, убѣжденіемъ считалъ онъ Бориса достойнымъ той нравственной казни, которую заставляетъ его переживать въ своей трагедіи“^{.2)}

Впрочемъ, мы можемъ обойтись и безъ указаній современныхъ изслѣдователей: передъ нами цѣнныя признанія самого автора. Въ своихъ черновыхъ замѣткахъ Пушкинъ свидѣтельствуемъ, что на „мысль облечь въ романтическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи“ навело его „изученіе Шекспира и Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей“. „Шекспиру, говоритъ Пушкинъ, я подражалъ въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“^{.3)}

Итакъ, по свидѣтельству самого автора, въ основу его творческой мысли легла не одна „Исторія Г. Р.“: ему много дали непосредственное знакомство съ первоисточниками, а также образы и литературныя формы, созданныя великимъ англійскимъ поэтомъ-драматургомъ^{.4)}

¹⁾ Поливановское изданіе сочиненій Пушкина, т. III, стр.17—18 (2-е изд., М. 1899).

²⁾ Статья Б. Л. Модзалевскаго въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, XIII, 160.

³⁾ Акад. изд. IV, 141.

⁴⁾ Н. Н. Раевскій (сынъ), къ мнѣнію котораго Пушкинъ обыкновенно прислушивался съ большимъ вниманіемъ, узнавъ, что тотъ принялся за „Бориса Годунова“, даетъ ему такой совѣтъ: не руководиться однимъ только рассказомъ Карамзина, но справляться и съ его источниками (Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources, où Karamsine a puisé, au lieu de vous en tenir à son seul récit. Письмо 19 мая 1825 г. Переписка Пушкина, I, 212). Нуждался ли въ такомъ совѣтѣ Пушкинъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ не разошелся съ своимъ другомъ и, дѣйствительно, не ограничился однимъ Карамзинымъ.

Очевидно, серьезно оспаривать въ наши дни суровый приговоръ Полевого и Бѣлинскаго, доказывать, что Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ не слѣдовалъ рабски за Карамзинымъ, значило бы ломиться въ открытую дверь; зато разобратъся въ указанія Жданова пока еще не бесполезно, такъ какъ односторонній отпечатокъ, наложенный имъ на поэта, думается, и до сихъ поръ еще преобладаетъ въ нашей литературѣ. Справедливо напавъ на крайности и преувеличенія противника, Ждановъ впалъ въ односторонность: не замѣтилъ у него частичной правды и допустилъ ошибки у себя самого.

Настоящая статья и ставитъ себѣ задачею указать на эту односторонность и провѣрить, не преувеличилъ ли покойный академикъ разстояніе, отдѣляющее Карамзина отъ Пушкина, и не найдутся ли въ самой „Комедіи“ мѣста, идущія вразрѣзъ съ его положеніями?

II.

1. Такъ, едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что сказано Ждановымъ по поводу сцены 20-й, носящей названіе „Лѣсъ“. Въ этой сценѣ пушкинскій Лжедмитрій соболѣзнуетъ о гибели коня, который „въ отдаленіи лежитъ издыхающій“. Критикъ ищетъ основу сцены у Петрея, въ передачѣ Щербатова: „у Карамзина“, говоритъ онъ въ подтвержденіе своей мысли, „нѣтъ извѣстія объ убитомъ конѣ Самозванца“. ¹⁾ Совершенно вѣрно. Но объ убитомъ конѣ нѣтъ ничего и у Петрея и у Щербатова: у нихъ, какъ и у Карамзина, рѣчь идетъ лишь о раненой лошади — разницы никакой. ²⁾ А между тѣмъ какъ разъ Карамзинъ внесъ еще одну черту, хотя хронологически и болѣе раннюю, которая отсутствуетъ у Петрея, но которую Пушкинъ охотно и умѣло использовалъ: „Лжедмитрій и Мнишекъ вмѣстѣ отступили отъ Новгорода-Сѣверскаго 12 генваря и ночевали въ Новгородѣ, 13-го въ лѣсу при какой-то деревнѣ, 14-го надъ болотомъ“. Этимъ выраженіемъ: „въ лѣсу“ Пушкинъ и воспользовался, обозначивъ нарисованную имъ сцену заголовкомъ „Лѣсъ“.

2. Точно такъ же нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, будто въ оцѣнкѣ Юрьева дня (ср. IX, монологъ боярина Пушкина) авторъ „Бориса Годунова“ руководился толкованіемъ не Карамзина, а историковъ XVIII вѣка. Татищевъ, ³⁾ котораго имѣлъ въ данномъ случаѣ Ждановъ въ виду, говоритъ о послѣдствіяхъ правительственнаго указа

¹⁾ Лекція, 16; Сочиненія, II, 112.

²⁾ Петрей, Исторія о вел. княжествѣ Московскомъ, пер. А. Н. Шемякина. М. 1867, стр. 198: „Верховая лошадь Димитрія тоже была ранена въ бедро и едва смогла унести его оттуда“ (изъ стана, захваченнаго войсками Бориса). Щербатовъ, Исторія Россійская, т. VII, ч. I (Спб. 1790), стр. 247: „Г. Миллеръ, послѣдуя Петрею, говоритъ, что на семь побоищъ лошадь подъ самимъ Самозванцемъ была ранена, и онъ едва могъ спастись отъ плѣненія“. Исторія Гос. Росс., XI, 171: „онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ“.

³⁾ Его мнѣніе повторено также и Щербатовымъ.

лично для Бориса Годунова, о томъ, что „Юрьевъ день“ явился одною изъ главныхъ причинъ его послѣдующаго паденія; ¹⁾ между тѣмъ Пушкинъ этого вопроса совсѣмъ и не касался; и если Карамзинъ не раздѣлялъ мнѣнія Татищева, ²⁾ то отсюда до сближенія „историковъ XVIII вѣка“ съ Пушкинымъ, очевидно, еще далеко, и нѣтъ оснований утверждать, будто Пушкинъ „не раздѣлялъ недоумѣнія Карамзина къ этимъ показаніямъ Татищева“. ³⁾ Ждановъ допустилъ несомнѣнный недосмотръ, тѣмъ болѣе характерный, что отъ его вниманія ускользнули другія строки карамзинскаго текста на ту же тему, — строки, сопоставленіе которыхъ, однако, съ монологомъ боярина Пушкина показало бы, вмѣсто расхожденія, полное духовное родство поэта съ историкомъ.

Вотъ что говоритъ Карамзинъ по поводу запрещенія „свободнаго перехода крестьянъ изъ волости въ волость“: „Крестьяне жалѣли о древней свободѣ..., а богатые владѣльцы, имѣя немало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ“. ⁴⁾

Недовольны, значить, и крестьяне и крупные землевладѣльцы. Бояринъ Пушкинъ и кн. В. И. Шуйскій, собесѣдники, конечно, были крупными землевладѣльцами, и указъ 1592 года задѣлъ ихъ имущественные интересы весьма чувствительно... Но развѣ не эту именно мысль о недовольствѣ двухъ слоевъ населенія высказываетъ авторъ „Комедіи“ ?

„Вотъ Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца ! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! не то въ приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй Самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха“.

¹⁾ Вотъ текстъ Татищева въ передачѣ Жданова: „Сей законъ о вольности по прежнему крестьянъ онъ (Годуновъ) учинилъ противъ своего разсужденія... надѣясь тѣмъ ласканіемъ болѣе духовнымъ и вельможамъ угодить и себя на престолѣ утвердить, а роптанія и многія тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша большое о семъ негодованіе и ропотъ, что духовные и вельможи, имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ дворянъ крестьянъ себѣ перезвали, принужденъ паки вскорѣ перемѣнить и не токмо крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ: изъ чего великая бѣда приключилась и большею частію чрезъ то престолѣ съ жизнію всей своей фамиліи потерялъ, а государство великое разореніе претерпѣло“. Полный текстъ Татищева см. у Карамзина, XI, прим. 121, со ссылкой на „Судебникъ“, изд. Татищевымъ, 224.

²⁾ Карамзинъ, XI, 86—87: „Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе историковъ XVIII в. не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ“.

³⁾ Лекція, 17; Сочиненія, II, 113.

⁴⁾ Исторія Г. Р., X, 209.

Заимствованіе доходить вплоть до отдѣльныхъ выраженій: „не смѣй переманить работника“, и карамзинское „они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ“.

3. Особенно много спорнаго высказано Ждановымъ по поводу сцены I, гдѣ Пушкинъ заставляетъ бесѣдовать кн. В. И. Шуйскаго съ кн. Мих. Ив. Воротынскимъ. Ждановъ утверждаетъ будто стоить только прочесть эту сцену, „чтобы убѣдиться, что между разговоромъ историка и замысломъ поэта нѣтъ сходства“ (курсивъ автора).¹⁾ Такъ ли это, однако?

Свое разсужденіе Ждановъ строитъ на фразѣ Карамзина: „они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ“, — не смѣли становиться Борису поперекъ дороги на пути къ престолу; между тѣмъ, замѣчаетъ Ждановъ, изъ разговора Шуйскаго съ Воротынскимъ „узнаемъ, что Рюриковичи дерзали мыслить о своемъ правѣ“. Что навело Пушкина на такую мысль? Разговоръ двухъ бояръ, отвѣчаетъ нашъ критикъ, есть „художественное развитіе лѣтописнаго намека о князьяхъ Шуйскихъ, которые Борису „не хотяху на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію“.

Въ дѣйствительности, что сказано у Карамзина? Про бояръ, участниковъ въ избраніи Годунова, онъ говоритъ: „Тутъ находились князья Рюрикава племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные, но давно лишенные достоинства князей владѣтельныхъ, давно слуги московскихъ государей наравнѣ съ дѣтьми боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи: былъ хотя и потомкомъ мурзы, но братомъ царицы.“²⁾

Читая эти строки, Ждановъ, равно и воспринявшее его мысль Академическое изданіе сочиненій Пушкина (IV, 171), думается, упустили изъ вниманія одну особенность автора „Исторіи Гос. Росс.“, столь ему обычную и красною нитью проходящую черезъ всѣ томы его монументальнаго труда: добросовѣстный, осторожный историкъ Карамзинъ не переставалъ оставаться тѣмъ литераторомъ, какимъ онъ былъ раньше, когда еще и не думалъ записываться въ историческій цехъ. Выраженіе „не дерзали мыслить“ — вѣдь это же чисто литературный оборотъ рѣчи, чтеніе мыслей въ чужой душѣ, выраженіе, ни къ чему не обязывающее! Подчеркнемъ въ текстѣ Карамзина не этотъ глаголь — „мыслить“, а другой, слѣдующій за нимъ, и прочитаемъ его фразу такъ: „они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ“, — тогда и впечатлѣніе, несомнѣнно, получится иное; литература, съ которой можно и слѣдовало не считаться, отступить на задній планъ, а выдвинется фактъ историческій; и этотъ-то историческій фактъ, укажан-

¹⁾ Лекція, 23; Сочиненія, II, 119.

²⁾ Исторія Гос. Росс. X, 230.

ный Карамзинымъ, Пушкинъ и усвоилъ всецѣло: его Шуйскій и Воротынскій, дѣйствительно, не „спорятъ о коронѣ“, съ своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, они примирились:

„Да, трудно намъ тягаться съ Годуновымъ“!

уныло говоритъ Воротынскій; и даже Шуйскій, наиболѣе активный и смѣлый, и тотъ предлагаетъ „народъ искусно волновать“ лишь въ томъ случаѣ, „когда Борисъ хитритъ не перестанетъ“.

Такимъ образомъ мыслить пушкинскіе бояре — мыслили; но спорить они не спорили, и въ этомъ отношеніи поэтъ ни въ чемъ не разошелся съ Карамзинымъ, вразрѣзъ тому, что пытался установить Ждановъ, говоря: „есть извѣстія, что избраніе Бориса прошло не безъ противодѣйствія нѣкоторыхъ бояръ“.¹⁾

Эта согласованность пушкинскаго текста съ карамзинскимъ выступить еще нагляднѣе, если вспомнить содержаніе примѣчанія 389 въ т. X „Исторіи Гос. Росс.“: „Въ лѣтописи сказано (см. Никон. лѣт.), что одни Шуйскіе не хотѣли Годунова на царство, однако жъ и Шуйскіе не противорѣчили“. Согласно этому и у Пушкина:

1. Недоброжелательство къ Борису проявляетъ, дѣйствительно, одинъ Шуйскій, Воротынскій лишь вторитъ ему;

2. Шуйскій Пушкина тоже „не противорѣчитъ“, — въ обоихъ случаяхъ поэтъ идетъ по стопамъ своего руководителя.

Надо удивляться, какъ Ждановъ не замѣтилъ своего расхожденія съ фактической стороной дѣла: данныя, бывшія въ его распоряженіи — примѣчаніе 389-ое, основанное на лѣтописи, и непосредственно текстъ самой лѣтописи — утверждали какъ разъ обратное тому, что онъ говоритъ: Шуйскіе „не хотѣли“ (только не хотѣли!), но активнаго дѣйствія не проявили! Шуйскіе „не противорѣчили“ — въ этихъ послѣднихъ словахъ пассивная позиція, занятая ими, выступаетъ еще убѣдительнѣе, еще нагляднѣе. Шуйскіе „не хотяху“ — и тутъ одно лишь нежеланіе, безъ превращенія его въ дѣйствіе.

Что касается Пушкина, то простой силлогизмъ долженъ подсказать намъ:

1. Карамзинъ использовалъ лѣтопись и опирается на нее; 2. если Пушкинъ, какъ этого хочетъ Ждановъ, опирается на лѣтопись, то, 3. слѣдовательно, онъ не расходится съ Карамзинымъ.²⁾

¹⁾ Лекція, 22; Сочиненія, II., 117.

²⁾ Два слова относительно этого „хочетъ“. Источникъ, откуда черпалъ поэтъ основную идею бесѣды Шуйскаго съ Ворогынскимъ, Ждановъ хочетъ непременно видѣть въ лѣтописи. Не станемъ отрицать возможности того, что Пушкинъ пользовался лѣтописью и въ данномъ случаѣ непосредственно, однако, особой надобности въ этомъ ему, судя по приведеннымъ выше выпискамъ, не представлялось: сказаннаго Карамзинымъ было вполне достаточно, и чего-либо новаго лѣтопись дать ему уже не могла. Къ слову сказать, въ „Библиотекѣ Пушкина“, какъ она описана Б. Л. Модзалевскимъ, Никоновской лѣтописи не находилось, а другія изъ занесенныхъ въ опись своего изложенія до времени Годунова не доводили („Пушкинъ и его современники“, вып. IX—X, стр. 37, 38, 60, 66).

Указанный промах Жданова в толковании текста произошел, в известной степени, от неосторожного перенесения Ждановым современных ему представлений и оценки событий на времена карамзинских. В 1891 году, действительно, можно было говорить о „противодѣйствіи“, и тѣмъ болѣе можно это сказать в наше время, в 1929 году; но в эпоху создания „Исторіи Г. Р.“ тайныя пружины соперниковъ и враговъ Годунова при избраніи его на царство достаточно еще не выяснились (да выяснились ли онѣ вполнѣ и в наши дни?); во всякомъ случаѣ, Карамзинъ о нихъ ничего не говоритъ, молчитъ о нихъ и Пушкинъ.

Желая освободить Пушкина отъ „рабской зависимости“, Ждановъ не проявляетъ должной справедливости къ „рабовладѣльцу“ — къ самому историку: онъ готовъ чуть не обвинить Карамзина в томъ, что тотъ обходитъ и какъ бы прячетъ в примѣчанія факты, идущіе вразрѣзъ съ основными линиями его рисунка. „Вѣрный своему основному взгляду на судьбу Бориса, своему плану, дѣлившему царствованіе Годунова на двѣ непохожія одна на другую картины, онъ постарался обойти“, хотя и зналъ ихъ, извѣстія, свидѣтельствовавшія объ извѣстномъ противодѣйствіи бояръ избранію Бориса и объ отсутствіи въ народѣ искренняго восторга при извѣстіи объ этомъ избраніи. Такъ, в текстѣ своей „Исторіи“, слѣдующаго свидѣтельству избирательной грамоты, Карамзинъ говоритъ, что кандидатура Бориса была встрѣчена общимъ восторгомъ: „усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громгласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ“; между тѣмъ в примѣчаніи 389-омъ сказано о нежеланіи Шуйскихъ видѣть Годунова на царствѣ.¹⁾

Справедливъ ли, однако, такой упрекъ? Безъ „литературы“ Карамзинъ, правда, не обошелся и здѣсь („усердіе обратилось въ восторгъ“), но в обращеніи съ фактами онъ проявилъ надлежащую осторожность вдумчиваго, серьезнаго историка: взявъ въ основу показаніе избирательной грамоты и руководясь ею в изложеніи событий, Карамзинъ, какъ и подобало добросовѣстному историку, не замалчиваетъ и того, что было в мысляхъ у Шуйскихъ. Чего же требовать больше? Чтобы о Шуйскихъ, о фактѣ второстепеннаго (какъ его понималъ Карамзинъ) значенія, упомянуто было непременно в текстѣ книги, а не „запрятано“ в примѣчаніе? . . .

Но это уже вопросъ архитектоники, распредѣленія матеріала, — вопросъ о законномъ правѣ автора не сбивать въ одну кучу все, чѣмъ ему хотѣлось и чѣмъ онъ считалъ нужнымъ подѣлиться со своимъ читателемъ, вопросъ о правѣ (а имъ Карамзинъ, именно какъ „литераторъ“, особенно дорожилъ) выдвинуть на первое мѣсто наиболѣе главное и отодвинуть на второе факты второстепенные. Можно спорить о томъ, что слѣдовало признавать за главное, что за второ-

¹⁾ Лекція, 22; Сочиненія, II, 118.

степенное; но въ данномъ случаѣ Пушкинъ, очевидно, слѣдовалъ за Карамзинымъ и разошелся съ его критикомъ: онъ тоже указываетъ на пассивность боярскую въ дѣлѣ воцаренія Бориса и даже начинаетъ изображеніемъ ея свою пьесу.¹⁾

III.

Усиленное желаніе освободить Пушкина отъ обвиненія въ „рабской“ зависимости помѣшало Жданову увидеть поразительную духовную связь первой сцены съ „Исторіей Гос. Росс.“; а вѣдь, эта связь и зависимость автора отъ матеріала, собраннаго Карамзинымъ, выступаютъ наружу, можетъ быть, выпуклѣе, чѣмъ въ какой-либо иной сценѣ: вся обстановка, въ которой происходитъ дѣйствіе, самыя лица, ихъ характеръ, имена, общественное положеніе, оцѣнка этихъ лицъ и ихъ поступковъ — все это карамзинское! Въ самомъ дѣлѣ:

1. Развѣ пушкинскій кн. В. И. Шуйскій такой, какимъ онъ обрисованъ въ сценѣ I (да и въ остальныхъ тоже), не есть тотъ „князь честолюбивый, легкомысленный, умный, безъ правилъ добродѣтели“, чловѣкъ „безсовѣстной лживости“, „слабый, если и не безбожный човѣкоугодникъ“,²⁾ какимъ характеризуетъ его Карамзинъ по связи съ его поведеніемъ на слѣдствіи въ Угличѣ?³⁾

2. Слѣды вліянія карамзинскаго текста можно прослѣдить и на Воротынскомъ. Первоначально собесѣдникомъ Шуйскаго Пушкинъ выбралъ было князя Ростовскаго: но, вчитываясь въ „Исторію Гос. Росс.“, онъ, видимо, убѣдился, что личность Воротынскаго, какъ Рюриковича, болѣе выпукла, что о ней сохранилось болѣе историческихъ данныхъ, и Ростовскій былъ замѣненъ Воротынскимъ. Дѣйствительно, князь Ростовскій затеривается у Карамзина среди другихъ бояръ, тогда какъ у боярина Ивана Михайл. Воротынскаго есть родовое прошлое: его отецъ, Михаилъ Иван. Воротынскій — знаменитый побѣдитель крымскихъ татаръ на р. Лопаснѣ (1572 г.), защитникъ

¹⁾ Въ указанной сценѣ обыкновенно видятъ зерно будущихъ боярскихъ интригъ противъ Бориса; но съ не меньшимъ правомъ можно посмотреть на нее и какъ на выраженіе боярскаго безсилія, расчистившаго путь Годунову. Что именно хотѣлъ сказать этою сценою самъ авторъ? Не задавайте ему такихъ вопросовъ: поэтъ не анализируетъ, онъ творитъ безотчетно и рисуетъ образы такими, какими подсказало ему его художественное чутье.

²⁾ Исторія Гос. Росс., X, 137, 138.

³⁾ Обыкновенно (Поливановъ, III, 164) пушкинскаго Шуйскаго сопоставляютъ съ характеристикой, данной Карамзинымъ въ XII-мъ томѣ его труда: „лицемѣръ, а не герой добродѣтели“, „льстивый царедворецъ“, „сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ“ Бориса; чловѣкъ „съ холоднымъ сердцемъ“, славящійся, однако, „разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными“ (XII, 2—3); но позаимствовать именно эти черты Пушкинъ не могъ, такъ какъ томъ XII-й вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1829 году, четыре года спустя послѣ того, какъ былъ написанъ „Борисъ Годуновъ“; но по существу, эпитеты X-го тома мало отличаются отъ эпитетовъ (нѣсколько болѣе яркихъ) тома XII-го. Впрочемъ, въ томѣ XII-мъ выраженіе „льстивый царедворецъ“ можно сблизить съ эпитетомъ „лукавый царедворецъ“, какимъ награждаетъ Шуйскаго Воротынскій у Пушкина (сцена 4-я).

южной и юго-восточной окраины Русского государства, носившей рѣдкое въ ту пору и болѣе почетное, чѣмъ самый санъ боярина, званіе слуги. Отецъ пушкинскаго Воротынскаго стоялъ на положеніи удѣльнаго князя; какъ таковому, царь Иванъ Грозный оставляетъ ему, по завѣщанію 1572 г., треть Воротынска, запрещая своему наслѣднику вступаться въ его долю. Свое высокое положеніе при Дворѣ Михаилъ Воротынскій передалъ и сыну.¹⁾

При выборѣ преемника царю Феодору Воротынскій - сынъ активныхъ дѣйствій не проявилъ: если, подобно Шуйскому, онъ тоже „мыслилъ“, то „спорилъ“ еще менѣе того, и въ этомъ соотношеніи двухъ боярѣ у Пушкина, въ опредѣленіи ихъ удѣльнаго вѣса, можно тоже видѣть вліяніе „Исторіи Гос. Росс.“: какъ тамъ выдвинуть Шуйскій, такъ и у Пушкина Воротынскій поставленъ въ тѣни, въ пассивной роли подпѣвалы.

Продолжимъ, однако, сопоставленія пушкинскаго текста первой сцены съ текстомъ Карамзина.

3. „Москва пуста; во слѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ“ —

„Немедленно всѣмъ соборомъ пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ монахиню Александру благословить ея брата на царство“.²⁾

4. „Но мѣсяць ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское“ —

эти слова Воротынскаго что такое, какъ не перефразировка словъ Карамзина: Годуновъ „заключился въ монастырь съ сестрою, плакалъ и молился съ нею“?³⁾

5. „Ни патріархъ ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ, тверда, какъ онъ, неумолима.“

Это говоритъ тотъ же Воротынскій, и можно думать, что передъ этимъ у него въ рукахъ былъ тотъ же X-й томъ карамзинской исторіи, гдѣ онъ вычиталъ, какъ Годуновъ „чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, духовенствомъ, синклитомъ, народомъ; клялся, что никогда, рожденный вѣр-

¹⁾ Исторія Г. Р., X, примѣч. 270, 413 и Прибавленіе I, стр. 157.

²⁾ Исторія Гос. Росс., X, 225.

³⁾ Тамъ же, X, 224.

нымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ державномъ и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго царя-ангела... Патріархъ... убѣждалъ, требовалъ и не могъ поколебать его твердости ни въ сей день ни въ слѣдующіе“.¹⁾

6. Хронологическія рамки указаны Пушкину Карамзинымъ, и поэтъ строго придерживается ихъ. Историкъ пишетъ: „въ пятницу 17 февраля открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или Государственный соборъ; февраля 20 Іовъ, святители, вельможи объявили Годуну, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Россією“.²⁾ Пушкинъ и руководствуется этими двумя датами: относя сцену между Шуйскимъ и Воротынскимъ къ 20-му февраля, онъ, въ перечнѣ попытокъ убѣдить Бориса принять корону, упоминаетъ и про „голосъ земскаго собора“. Поэтому хронологически правдоподобны и заключительныя слова Шуйскаго:

„Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ рѣшено ли“...

Они шли узнавать рѣшеніе Земскаго собора.

7. „Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ?“

Эти двѣ фразы составляютъ, въ сущности, простое переложеніе записи, которую Пушкинъ внесъ въ свою черновую тетрадь на основаніи карамзинскаго текста: Чепчуговъ уклонился; клевететь Борисовъ Клешнинъ представилъ Михаила Битяговскаго, а вмѣстѣ съ Битяговскимъ въ Угличъ пріѣхалъ сынъ его Данила и племянникъ Никита Качаловъ.³⁾

8. „Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды“ —

„19 мая ввечеру кн. Шуйскій, Клешнинъ... пріѣхали въ Угличъ... прямо въ церковь св. Преображенія. Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное, и на тѣлѣ ножъ убійцы“.⁴⁾

9. „Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя“...

„Единодушно, единогласно — иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши — отвѣтствовали: царевичъ убиенъ своими рабами, Михайломъ Битяговскимъ, съ клеветами, по волѣ Бориса Годунова“.⁵⁾

¹⁾ Тамъ же, X, 226, 227.

²⁾ Тамъ же, X, 228, 232.

³⁾ Ср. Поливановъ, III, 34, гдѣ сопоставлены тексты Пушкина и Карамзина.

⁴⁾ Исторія Гос. Росс., X, 137.

⁵⁾ Тамъ же, X, 138.

10. „Но царь (Феодоръ)
На все глядѣль очами Годунова,
Всему внималь ушами Годунова;
Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ,
Борись тотчасъ его бы разувѣрилъ“ —

„Феодоръ, не имѣя ни пронцанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника: искалъ, на кого возложить всю тягость правленія... и совершенно отдался смѣлому честолюбцу“. ¹⁾

11. „А тамъ меня жѣ сослали бѣ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили“ —

„Правитель... велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ заточеніи: боярина Андрея Ивановича, отличнаго умомъ, и знаменитаго князя Ивана Петровича“. ²⁾

Наконецъ, 12. Слова Воротынскаго про Бориса:

„А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать“ —

точно такъ же основаны на текстѣ Карамзина.

а) Страхъ Пушкинъ вычиталъ въ словахъ: „Смиривъ дворъ ополоу Шуйскихъ, духовенство сверженіемъ митрополита, а гражданъ столицы казню знатныхъ гостей московскихъ... Годуновъ уже не видѣлъ никакого сопротивленія“ и т. д. ³⁾

б) Любовь — въ словахъ: въ Москвѣ случился большой пожаръ, и Годуновъ выстроилъ погорѣльцамъ „цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ что москвитяне, утѣшенные, изумленные сими благодѣянїями, начали ревностно славить Годунова“. ⁴⁾

в) Слава — Карамзинъ говоритъ: въ 1591 г. Борисъ „стоялъ на высшей степени величїя, какъ полный властелинъ царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ, безмолвныхъ или громко-славословящихъ его высокія достоинства“; побѣда въ томъ же году надъ крымскимъ ханомъ дала случай официально заявить: „и въ Россїи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему (царю) побѣду радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ“. ⁵⁾

Повторяю, какой еще болѣе духовной связи и зависимости въ подборѣ матеріала съ мыслями автора „Исторїи Гос. Росс.“ можно требовать? ⁶⁾

¹⁾ Тамъ же, X, 12.

²⁾ Тамъ же, X, 79.

³⁾ Тамъ же, X, 81.

⁴⁾ Тамъ же, X, 143.

⁵⁾ Тамъ же, X, 115, 156.

⁶⁾ Если и говорить о независимости Пушкина отъ Карамзина, то правильнѣе было бы указать на ту licentiam poetarum, какую авторъ драмы допустилъ въ этой первой сценѣ, заставивъ двухъ первостепенныхъ бояръ выбрать для своей

IV.

Есть въ „Борисъ Годуновъ“ одинъ монологъ, на рѣдкость сближающій произведеніе Пушкина съ монументальнымъ трудомъ Карамзина. Онъ, конечно, всѣмъ памятенъ. Я говорю о монологѣ Пимена, о его разсказѣ про убійство царевича Дмитрія.

Карамзинъ повѣствуетъ: „15 мая, въ субботу, въ шестомъ часу дня царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви и готовилась обѣдать... слуги носили кушанье. Въ сію минуту боярыня Волохова позвала Дмитрія гулять во дворъ... Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись съ лѣстницы... Десятилѣтній святой мученикъ лежалъ окровавленный... онъ трепеталъ, какъ голубь, испуская духъ...“

Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ... чрезъ минуту весь городъ представлялъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь... ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнялись людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли царевича мертвого на землѣ; подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти... Тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій... безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія... „Душегубецъ!“ завопили толпы... Третій убійца, Осипъ Волоховъ ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Дмитріевъ, и тамъ умертвили... Злодѣи... издыхая, облегчили свою совѣсть... искреннимъ признаніемъ: наименовали и главнаго виновника Дмитріевой смерти: Бориса Годунова“.¹⁾

У того же Карамзина, въ одномъ изъ примѣчаній (232) Пушкинъ вычиталъ и прямое свидѣтельство лѣтописца:

„И тотчасъ убійцъ всѣхъ похватали и привелоша ихъ на дворъ, и рѣша гражданае: окаяннии и зліи человѣцы! како дерзнусте такое дѣло сотворити?... Они же окаяннии стояху и зряху сѣмо и овамо, видяще свою винность, и рѣша къ народу: „неповинная кровь нась обличила: послушали мы прелестника, Бориса Годунова... а нынѣ мы по дѣломъ своимъ смерть приедемъ“.

Какъ именно использовалъ Пушкинъ находившійся въ его распоряженіи матеріалъ, можно судить по ниже приводимому монологу:

„Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ, бѣгутъ во дворъ царицы. Я

бесѣды самый неподходящій въ общественномъ и служебномъ положеніи моментъ — засѣданія Земскаго Собора, рѣшавшаго важнѣйшій для всей страны вопросъ: избраніе Бориса Годунова на царство. Допустимо ли, съ требованіями исторической правдоподобности, отсутствіе Шуйскаго и Воротынскаго на засѣданіи въ такую минуту?

¹⁾ Исторія Г. Р., X, 132—135.

Спѣшу туда жъ, — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица матъ въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ, злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтесь!“ народъ имъ завопилъ;
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса“.

Сопоставленіе этого монолога съ рассказомъ Карамзина дѣлалось въ нашей литературѣ какъ-то мимоходомъ, недостаточно ярко и выпукло, да и то, кажется, немногими. Поливановъ ограничился простой перепечаткою карамзинскаго текста подъ пушкинскимъ (III, 184); Филоновъ не пошелъ дальше указанія на одну—двѣ детали: указалъ на совпаденіе словъ („ударили въ набать“: „наименовали Бориса Годунова“), на усвоеніе мысли, выраженной въ словахъ: „облегчили совѣсть признаніемъ“ (15) — и только.

Между тѣмъ дѣло совсѣмъ не въ деталяхъ. Передъ нами на лицо, можно сказать, полное возстановленіе нарисованной историкомъ картины (потому что Карамзинъ не только рассказывалъ, но и рисовалъ) во всемъ ея цѣломъ. Читая Пушкина, точно читаешь самого Карамзина, точно слѣдишь за ходомъ дѣйствій въ томъ видѣ и почти въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они изложены въ „Исторіи“. Отступленія, неизбѣжныя и необходимыя въ произведеніи поэтическомъ, ничтожны, а если гдѣ и выступаютъ опредѣленнѣе и рѣзче, то всегда въ интересахъ художественности; слѣдовательно, Пушкинъ прибѣгалъ къ нимъ сознательно и намѣренно.

Историкъ началъ свою повѣсть съ обстоятельнаго опредѣленія момента, когда совершилось убійство: послѣ церковной службы, передъ тѣмъ какъ царицѣ сѣсть за обѣдъ, и поэтъ кратко и выразительно сводитъ эти показанія въ одно выраженіе: „въ часъ обѣдни“.

„Ударилъ въ набать; крикъ, шумъ. Бѣгутъ во дворъ царицы“ — короткія фразы, одна даже совсѣмъ безъ сказуемаго: картина быстрой смѣны событій — въ духѣ и въ соотвѣтствіи съ изложеніемъ первоисточника. Но, слѣдуя Карамзину, Пушкинъ, какъ истинный поэтъ, не боится отбросить подробности, способныя ослабить впечатлѣніе этой „быстроты“: онъ устраняетъ мысль о пожарѣ и двумя короткими словами: „крикъ, шумъ“ очерчиваетъ возбужденное настроеніе угличанъ, взамѣнъ длительныхъ и дисгармоничныхъ прилагательныхъ Карамзина: „встревоженные, изумленные“.

Зато, отбрасывая детали второстепенных, поэт умѣло сохраняетъ главные и не забываетъ упомянуть, что во дворѣ собрался „весь городъ“.

У Карамзина и мать и кормилица обѣ лежатъ „безъ памяти“; поэтъ художественно соблюдаетъ градаціи въ выраженіи чувствъ двухъ женщинъ: чувство матери сильнѣе — она, дѣйствительно, въ обморокѣ: какъ кинулась къ сыну, такъ и упала надъ нимъ, потерявъ сознаніе; кормилица потрясена слабѣе: у нея еще хватаетъ силъ предаваться отчаянію и безнадежно рыдать надъ своимъ вскормленникомъ.

Появленіе на дворѣ Мих. Битяговскаго такъ же быстро, неожиданно („вдругъ“), какъ это чувствуется и по изложенію Карамзина: „Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль. Эта фраза воспроизводитъ слова: „Душегубецъ!“ завопили толпы. Напрасно, говоритъ Карамзинъ, искалъ Битяговскій спасенія — смерть настигла его. „И вмигъ его не стало“, повторяетъ Пушкинъ за нимъ.

Выразительный эпитетъ, приданный Битяговскому историкомъ: „тайный вождь ихъ“ (убійць), несомнѣнно, отразился на еще болѣе яркомъ эпитетѣ, какимъ пригвоздилъ Битяговскаго Пушкинъ: „луда“.

Карамзинъ къ тѣлу царевича подводитъ изъ убійць одного только третьяго, вмѣстѣ съ тѣми, кого подозревали въ соучастіи. Лѣтописецъ молчитъ о соучастникахъ, но говоритъ обо всѣхъ убійцахъ. Пушкинъ предпочелъ второй вариантъ — онъ сильнѣе, драматичнѣе и позволилъ поэту избѣгнуть нагроможденія второстепенныхъ деталей. Но что убійць было трое, на это указываетъ и онъ.

Изъ двухъ вариантовъ, предложенныхъ Пушкину Карамзинымъ и лѣтописнымъ сказаніемъ, поэту предстояло сдѣлать выборъ: гдѣ показать читателю тѣло убитаго царевича въ моментъ, когда къ нему подвели убійць: перенести ли его со двора въ церковь, какъ это сдѣлалъ Карамзинъ, или оставить лежать во дворѣ, согласно показанію лѣтописца? Пушкинъ и на этотъ разъ предпочелъ послѣдній вариантъ, и едва ли надо разъяснять — почему: единство мѣста способствовало единству и быстротѣ дѣйствія. А что дѣйствія совершались ускореннымъ темпомъ, это подчеркнута и тѣмъ, что убійцы нашли трупъ младенца еще теплымъ.

Въ одномъ только случаѣ Пушкинъ отступаетъ отъ своего источника, но, какъ замѣчено выше, сознательно и въ интересахъ художественности.

Лѣтописецъ, а вслѣдъ за нимъ и со ссылкой на него Карамзинъ говорятъ о покаяніи убійць, приведенныхъ передъ трупъ царевича, не объясняя, однако, что именно побудило злодѣевъ къ тому. „Невинная кровь насъ обличила“ — но какъ это произошло, какимъ способомъ могла она обличить? Если историкъ, *volens - nolens*, пожалуй, и примирится съ недоговоренностью памятника, то поэтъ — никогда. Пушкинъ ищетъ мотивовъ покаянія; ему необходимо заглянуть въ самую глубь человѣческаго сердца, и отвѣтъ на свой запросъ онъ находитъ не въ

историческомъ фактѣ, а въ красиво, литературно построенной фразѣ историка; „онъ (младенецъ) трепеталь, какъ голубь“. Этого выраженія Пушкину вполне достаточно, — новый образъ уже готовъ. Не бѣда, если самъ историкъ моментъ трепетанія отнесъ къ положенію болѣе раннему (потому что Карамзинъ, хотя и писалъ указанную фразу перомъ литературнымъ, однако, поостерегся пренебречь требованіями исторической достовѣрности), чувство художника подсказало поэту, что превратить фактъ реальный и естественный въ сверхъестественный значило бы, въ данномъ случаѣ, лишь воспринять психологию той народной толпы, про которую шла сейчасъ рѣчь. Ребенокъ съ перерѣзаннымъ горломъ, еще живой, но уже задыхающійся въ предсмертной мукѣ отъ нехватки въ притокѣ свѣжаго воздуха и потому трепещущій въ бесплодномъ усиліи вобрать въ себя источникъ жизни — явленіе вполне естественное; но трепетать послѣ своей смерти это есть настоящее чудо, и, какъ таковое, въ глазахъ возбужденной толпы, не исключая и самихъ убійцъ, есть неопровержимое доказательство преступленія.

Могъ ли, однако, трепетать умершій младенецъ? Могъ ли совершить онъ чудо? А почему же и нѣтъ? Вѣдь Карамзинъ называетъ его „святымъ мученикомъ“!

* * *

Въ видѣ примѣчанія къ сказанному выше, отмѣтимъ еще два выраженія, которыя защитниками пушкинской „независимости“, не безъ основанія, выставляются въ доказательство таковой, но которыя, однако, допускаютъ и иное толкованіе.

1. Академическое изданіе сочиненій Пушкина (IV, 173) указываетъ на сцену XI (Палаты патріарха), будто бы сохранившую слѣды близкаго знакомства Пушкина съ „Лѣтописью о многихъ мятежахъ“. Въ ней игумень, называя Григорія Отрепьева „весьма грамотнымъ“, а патріархъ — „сосудомъ дѣвольскимъ“, оба будто бы лишь повторяютъ слова названной Лѣтописи: „Грамота же ему далася не отъ Бога де, но дѣволу сосудъ учинися, и бысть зѣло грамотенъ“. Предположеніе это вполне допустимо; однако, оно не исключаетъ и другой возможности: Пушкинъ вычиталъ эти выраженія не въ Лѣтописи, а въ „Исторіи Г. Р.“: 1) Ростовскій митрополитъ Іона объявилъ патріарху и самому царю, что „недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ дѣвольскимъ“; добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣстія (XI, 125); и 2) со ссылкой на Никоновскую лѣтопись, Карамзинъ говоритъ: „грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и бысть зѣло грамотъ гораздо“ (XI, прим. 194). Въ данномъ случаѣ точекъ соприкосновенія съ Карамзинымъ у Пушкина окажется даже больше, чѣмъ съ Лѣтописцемъ: у того и у другого одинаковое выраженіе: „дѣвольскій“, въ формѣ прилагательнаго; въ Лѣтописи же форма существительнаго: „дѣволъ“.

2. То же можно сказать и про другое сопоставление Академического издания, (IV, 173); стихъ 27-й монолога Бориса („Достигъ я высшей власти“):

„Богъ насылалъ на землю нашу гладъ“, —

хотя и напоминаетъ выражение Лѣтописи: „Наведе на насъ гладъ велий“, но онъ также недалекъ и отъ выраженія Авраамія Палицына: „Егда гладомъ наказа насъ Господь“, а выражение это приведено въ „Исторіи Г. Р.“ (XI, прим. 190).

V.

Духовная независимость Пушкина и духовная связь его съ трудомъ Карамзина не только не исключали одна другую, но и вполне уживались другъ съ другомъ уже по одному тому, что отнюдь не противорѣчили одна другой. Пушкинъ обильно черпалъ матеріалъ изъ „Исторіи Г. Р.“, на многое смотрѣлъ черезъ тѣ же очки, какъ и Карамзинъ, но всякое заимствованіе творчески претворялъ въ горнилѣ своего духа, и то, что выливалось изъ него, всегда носило оригинальный, спеціально-пушкинскій отпечатокъ.

А что духовную связь свою съ твореніемъ знаменитаго историка Пушкинъ чувствовалъ, притомъ чувствовалъ сильно и глубоко, доказательствомъ тому является посвященіе имъ своего труда „драгоценной памяти“ автора „Исторіи Г. Р.“

Странная судьба выпала на долю этого посвященія. Одни видятъ въ немъ выраженіе духовнаго „рабства“, другіе считаютъ его совершенно безсодержательнымъ, ничего не говорящимъ. Полевой иронически замѣчалъ: „Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ к а р а м з и н с к а г о Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы“; а Ждановъ, ссылаясь на извѣстное письмо Пушкина къ Плетневу, готовъ отнять у этого посвященія всякое показательное значеніе: разумѣется-де, „Пушкинъ высоко цѣнилъ, да и не могъ не цѣнить великаго труда, исполненнаго историкомъ, но поэтъ умѣлъ отдѣлать научно-литературное значеніе „Ист. Гос. Росс.“ отъ тѣхъ публицистическихъ воззрѣній, которыхъ держался Карамзинъ, и которыя могли проглядывать и въ его Исторіи“.¹⁾

Между тѣмъ, что же писалъ Пушкинъ Плетневу про свою трагедію? „Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца — итакъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ“... И далѣе дается текстъ того посвященія, какой появился въ печати.²⁾

¹⁾ Лекція, 12; Сочиненія, II, 108.

²⁾ Переписка Пушкина, II, 183; Письма, подъ ред. Модзалевскаго, II, 110.

Слова, отмѣченныя нами разрядкой, опущены Ждановымъ, вслѣдствіе чего мысль поэта оказалась переданною въ значительно искаженномъ видѣ: можно подумать, что мысль о посвященіи своего труда „драгоценной памяти Н. М. Карамзина“ возникла у него случайно: хотѣлъ-де посвятить Жуковскому, но дочери попросили посвятить памяти отца, вотъ онъ и далъ согласіе, измѣнили прежнему намѣренію. Стоить, однако, прочесть въ письмѣ къ Плетневу соответствующія строки полностью, чтобы придти къ совершенно иному выводу.

Мысль Пушкина прошла чрезъ три послѣдовательныхъ стадіи: 1. посвященіе Карамзину, 2. посвященіе Жуковскому, 3. посвященіе памяти Карамзина, — и во всѣ три момента мысль неразрывно связана съ авторомъ „Исторіи Г. Р.“ „Борисъ Годуновъ“ посвящался Жуковскому только потому, что Карамзина уже не было въ живыхъ; и если послѣ Карамзина поэтъ остановился именно на немъ, то, конечно, прежде всего потому, что Жуковскій, наряду съ Карамзинымъ, всегда являлся для него наиболѣе моральнымъ авторитетомъ въ жизни; но чуть только возникла мысль: книгу можно посвятить не только живому лицу, но и его памяти, — поэтъ охотно хватается за нее и не задумывается приступить къ ея осуществленію.

VI.

Теперь еще нѣсколько словъ собственно о критикѣ Полевого. Не слѣдуетъ забывать, что она совпала съ другой большой его работой: Полевой писалъ тогда свою „Исторію Русскаго народа“, а она въ самомъ построеніи своемъ кореннымъ образомъ расходилась съ „Исторіей Г. Р.“; критикуя Пушкина, Полевой, въ сущности, критиковалъ чрезъ его голову Карамзина. Отъ его вниманія не ушла односторонность въ указаніи Карамзинымъ элементовъ, опредѣлившихъ ходъ и направленіе русской исторіи конца XVI и начала XVII в., — отсюда его восклицаніе, обращенное къ Пушкину: „гдѣ же Польша? гдѣ боярство русское, гдѣ народъ, гдѣ подробности событій? Все это скрыто за кулисами“. ¹⁾

Подчеркивая въ „Борисѣ Годуновѣ“ отсутствіе того, чего не давала и „Исторія Г. Р.“ (и на этомъ, въ извѣстной степени, строя духовную близость Пушкина къ Карамзину и его зависимость отъ послѣдняго), Полевой одновременно подчеркивалъ и наличность одинаковаго, у того и другого, взгляда на Бориса, какъ на завѣдомаго убійцу царевича Дмитрія: „Какъ могъ Пушкинъ не понять поэзіи той идеи, что исторія не смѣетъ утвердительно назвать Бориса цареубійцею? Что недостоверно для исторіи, то достоверно для поэзіи“. ²⁾ Въ томъ, что Пушкинъ будто бы усвоилъ основной взглядъ Карамзина на Годунова, сдѣлалъ его центральной фигурой своей драмы и связалъ

¹⁾ Поливановъ, III, 116.

²⁾ Поливановъ, III, 111.

съ нимъ идею возмездія Полевой (а вслѣдъ за нимъ и Бѣлинскій) и видѣлъ „рабскую зависимость“ поэта.

Взглядъ этотъ, очень и очень спорный, продолжаетъ и въ наше время находить себѣ сторонниковъ. По мнѣнію такого вдумчиваго историка, какъ Павловъ - Сильванскій, Бѣлинскій, конечно, преувеличивалъ, называя Бориса „мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучить совѣсть, и который въ своемъ злодѣйствѣ нашель себѣ кару“, и въ этомъ видѣлъ у Пушкина „рабское“ подчиненіе Карамзину, но въ существѣ дѣла онъ правъ. „Неизбѣжность возмездія, гибель, роковымъ образомъ связанная съ преступленіемъ, паденіе Бориса отъ тѣни умерщвленнаго имъ царевича Дмитрія — и составляетъ развитіе драмы Пушкина“.¹⁾

Чтобы правильно понять и оцѣнить критику Полевого, ее необходимо вставить въ надлежащія историческія рамки и прежде всего помнить, что въ пору ея появленія вопросъ о виновности Бориса Годунова въ смерти царевича Дмитрія въ исторической литературѣ уже былъ поставленъ и вызывалъ оживленные споры. Погодинъ уже выступилъ въ печати съ защитой Годунова, пытаясь снять съ него обвиненіе въ убійствѣ;²⁾ въ томъ же духѣ писалъ и Арцыбашевъ;³⁾ въ ту пору и Устряловъ готовился заявить: „Каждый, вѣроятно, согласится, что Годуновъ, если не совсѣмъ правъ, по крайней мѣрѣ не кругомъ виновать, и что для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиненнаго, можетъ быть, только по стеченію обстоятельствъ“.⁴⁾ Полевой примкнулъ къ „партіи“ Годунова и, разойдясь съ Карамзинымъ, поднялъ литературное копье и противъ Пушкина.

Но справедливое въ словахъ Полевого въ отношеніи Карамзина оказалось несправедливымъ по отношенію къ Пушкину: послѣдній отнюдь не дѣлалъ изъ Бориса центральную фигуру своей драмы и не строилъ послѣднюю на неизбѣжности рокового возмездія за совершенное преступленіе. Въ вопросѣ объ основной идеѣ „Бориса Годунова“ Надеждинъ (1831) подошелъ, думается, гораздо ближе къ истинѣ, говоря: „Не Борисъ Годуновъ въ своей біографической недѣльности составляетъ предметъ ея, а царствованіе Бориса Годунова... эпоха, имъ наполняемая..., міръ, имъ созданный и съ нимъ разру-

¹⁾ П.-Сильванскій, Народъ и царь въ трагедіи Пушкина. Сочиненія Пушкина, изд. Венгерова, II, 311; Сочиненія П.-Сильванскаго, II, 296—297.

²⁾ Московскій Вѣстникъ 1829 г., № 3: Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Дмитрія.

³⁾ Вѣстникъ Европы 1830, №№ 9—12: О кончинѣ царевича Дмитрія. На свою статью Арцыбашевъ смотрѣлъ, какъ на „дополненіе къ дѣльнымъ и убѣдительнымъ доказательствамъ Погодина касательно до невинности царя Бориса въ убіеніи царевича Дмитрія“ (см. В. С. Иконниковъ, Историческія замѣтки. Русскій Архивъ 1886, № 12, стр. 524).

⁴⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, ч. II (Розыскъ о смерти царевича Дмитрія Угличскаго). Первое изданіе вышло въ Спб. въ 1831—1834 г.г.

шающійся — однимъ словомъ, историческое¹⁾ бытіе Бориса Годунова“.²⁾

Къ сожалѣнію, мысль эта лишь намѣчена и недостаточно развита. Своимъ художественнымъ взоромъ Пушкинъ провидѣлъ то, до чего начинаютъ доходить историки-спеціалисты лишь въ наши дни: воцареніе и гибель Бориса Годунова явились результатомъ совокупности цѣлага ряда отдѣльныхъ элементовъ, и элементы эти, можно сказать, всѣ указаны Пушкинымъ, одни — выпуклѣе, нагляднѣй и полнѣе, другіе — лишь схематически намѣчены. Въ драмѣ Пушкина нѣтъ героя, нѣтъ объединяющаго центра; вмѣсто героя поэтъ изобразилъ намъ эпоху, многообразныя явленія, изъ которыхъ она слагалась, и которыя характеризовали ее. Передъ нами длинной вереницей проходятъ одно за другимъ:

1. Боярство — безсильное къ активному противодѣйствию (сцены 1, 9), пассивно плывущее по теченію (сц. 1: Воротынскій), способное лишь на доносы (сц. 10: Семень Годуновъ), предательство (9, 22, 23: Пушкинъ; 22: Басмановъ), или, самое большее, на изворотливость и интриги, въ ожиданіи подходящей минуты, когда будетъ можно и выгодно сбросить съ себя маску (1, 9, 10: Василій Шуйскій).

2. Народъ — первобытная сила, пассивная въ своей основѣ (2), колеблемая, точно тростникъ подъ вѣтромъ (23, 24), казалось, живущая одними лишь материальными интересами (9: Юрьевъ день), а свой судъ и моральныя требованія не умѣющая выразить иначе, какъ въ уродливой формѣ (18: юродивый), и въ то же время вершительница человѣческихъ судебъ, достаточно мощная, чтобы заставить склониться чашку вѣсовъ въ ту, а не иную сторону (22).

3. Монашество — въ разнообразіи его оттѣнковъ: одни — на высотѣ своего положенія, далекіе отъ суеты мірской, безстрастные ея наблюдатели (сц. 5: Пимень); другіе — великіе, безхитростные молитвенники, неискушенные въ чтеніи сердець человѣческихъ, но сами чистые сердцемъ (6, 16: патриархъ); третьи, напротивъ, типичные образцы оборотной стороны медали, какую являютъ собою тогдашній русскій монашескій міръ (8: Мисаиль, Варлаамъ).

4. Русская эмиграція временъ Ивана Грознаго, все еще не отказавшаяся отъ прежней своей политической роли и все еще готовая отстаивать ее и фрондировать (сцена 11: молодой Курбскій).

5. Русская эмиграція временъ Бориса Годунова, дѣйствующая по мотивамъ значительно болѣе низкимъ: по соображеніямъ личной выгоды и личныхъ интересовъ (сц. 11: Хрущевъ).

6. Донскіе казаки, всегда готовые явиться на зовъ туда, гдѣ найдется работа „вольнымъ войскамъ и храбрымъ атаманамъ“ (сц. 11: Карела).

7. Польша въ лицѣ своего короля (сц. 9).

¹⁾ Курсивъ этого послѣдняго слова у самого автора.

²⁾ Поливановъ, III, 65.

8. Польскіе магнаты: Мнишекъ, Вишневецкій (сц. 13).

9. Польская вольница: Собаньскій (сц. 11).

10. Іезуиты: „латинскіе попы“, Черниковскій (сц. 9, 11).

11. Отмѣтимъ и личность Лжедмитрія. Въ ея изображеніи Пушкинъ отошелъ отъ своего вѣка и значительно приблизился къ нашему времени. Конечно, исходная точка зрѣнія на „Дмитрія“, какъ на сознательнаго обманщика, неизбѣжно стѣснила свободу его оцѣнки; но и въ этихъ сѣуженныхъ рамкахъ Пушкинъ съумѣлъ подмѣтить и оцѣнить въ Лжедмитріи черты, несомнѣнно присущія ему, все равно, считать ли его за самозванца, за Лжедмитрія или даже за истиннаго сына царя Грознаго, — черты, дававшія Пушкину основание сравнивать его съ французскимъ королемъ Генрихомъ IV¹⁾: его экспансивную натуру, которой тѣсно въ предназначенныхъ ей рамкахъ (сц. 5: въ кельѣ Пимена); его безпечность (сц. 20: „разбитый въ прахъ, спасаясь побѣгомъ, безпеченъ онъ, какъ глупое дитя“), отвагу (14: признаніе Маринѣ), культурность (11: пріемъ, оказанный поэту), скорбь о вынужденномъ наведеніи поляковъ на родную землю (15: „я жъ васъ веду на братьевъ“), — черты, дѣлающія его въ извѣстной степени симпатичнымъ, именно такимъ, какимъ его и знаетъ исторія.

VII.

Духовная близость „Бориса Годунова“ къ „Исторіи Г. Р.“, помимо всего, нашла свою скрѣпу также и въ личныхъ отношеніяхъ Пушкина къ Карамзину, и мы считаемъ не лишнимъ въ сжатомъ очеркѣ напомнить объ этихъ отношеніяхъ, почти всегда благодушныхъ, неизмѣнно овѣянныхъ чувствомъ большаго пѣтета и благодарности.

Встрѣчался ли Пушкинъ съ Карамзинымъ въ дѣтствѣ въ домѣ своихъ родителей, на это прямыхъ указаній не имѣется; съ увѣренностью можно говорить лишь о возможности такой встрѣчи. Во всякомъ случаѣ, знакомство — знакомство настоящее — началось рано, еще до выхода изъ школы, и притомъ, начавшись, быстро перешло въ сближеніе.

Въ мартѣ 1816 года, проѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, Карамзинъ посѣтилъ Царскосельскій Лицей, и первыя слова, услышанныя Пушкинымъ отъ именитаго гостя, были: „Пари, какъ орель, но не оставивайся въ полетѣ“.²⁾ Мудрымъ совѣтомъ и своего рода напутственнымъ благословеніемъ прозвучали для Пушкина эти слова; они ободряли, такъ какъ въ нихъ слышалась нота одобренія, похвалы. Такимъ образомъ, Карамзинъ, съ первой же минуты знакомства, предсталъ предъ юнымъ поэтомъ въ видѣ благожелательнаго генія-покровителя.

¹⁾ „Il y a beaucoup de Henri IV dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion—tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en butte aux conspirations“, Переписка, II, 88; Пушкинъ, Письма, II, 62.

²⁾ Вересаев, Пушкин в жизни, I, 36.

Какъ извѣстно, именно такимъ Пушкинъ и изобразилъ Карамзина въ своемъ посланіи „Къ Жуковскому“:

„Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливый меня вниманьемъ ободрить“.

Карамзинъ ѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы покинуть ее навсегда и переселиться съ семьею на постоянное жительство въ Петербургъ. Лѣто того же 1816 года Карамзины проводили на дачѣ въ Царскомъ, и Пушкинъ съ первыхъ же дней вошелъ въ ихъ семью. Оба Карамзины, и Николай Михайловичъ и Екатерина Андреевна, его жена, оказали ему чисто родственное вниманіе и заботу, согрѣвъ своею ласкою молодое сердце, до той поры почти не вѣдавшее таковой.

Какъ разъ въ ту пору въ Царскомъ Селѣ, при Дворѣ, праздновали (скорѣе — заканчивали праздновать) свадьбу царской сестры, вел. княжны Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, и тамъ захотѣли имѣть стихи въ честь новобрачнаго. Казалось, всего естественнѣе было бы возложить такое почетное порученіе на Нелединскаго-Мелецкаго или Карамзина, на стихотворцевъ патентованныхъ, тѣмъ болѣе, что оба были близки ко двору вдовствующей императрицы-матери, которая собственно и была непосредственно заинтересована въ этомъ дѣлѣ; но муза того и другого, видимо, уже отяжелѣла, вдохновеніе перестало посѣщать ихъ — и на выручку понадобился Пушкинъ. Черезъ два часа стихи были готовы и, послѣ нѣкоторыхъ „перемѣнъ“ (поправокъ?) Карамзина, доставлены по назначенію.

Съ этой поры Пушкинъ, и въ лицейскомъ мундирѣ, и позже, по выходѣ изъ Лицея, въ модномъ свѣтскомъ фракѣ — свой человекъ въ домѣ Карамзиныхъ: въ царскосельскомъ ли, гдѣ Карамзины проводили лѣто изъ года въ годъ, въ петербургскомъ ли — одинаково. Тамъ вообще рады видѣть его: онъ „остроуменъ“, онъ „смѣшитъ своимъ добрымъ простосердечіемъ“.¹⁾ Справляютъ ли Карамзины свой семейный праздникъ, именини близкихъ родственниковъ, — тутъ же и „маленькій Пушкинъ“: вмѣстѣ съ ними онъ пьетъ здоровье этихъ родственниковъ „отъ всего сердца“;²⁾ ѣдутъ ли Карамзины въ Петергофъ кататься на катерѣ по морю, смотрѣть иллюминацію и фейерверкъ, они не забываютъ взять съ собою и Пушкина.³⁾

Въ домѣ Карамзиныхъ Пушкинъ постоянно въ обществѣ Жуковскаго и Александра Тургенева; здѣсь, конечно, онъ и дружбу свою съ ними свелъ. Это — лучшіе друзья Карамзиныхъ. Если среди нихъ нѣтъ Вяземскаго, брата Карамзиной, то это потому, что въ тѣ годы князь живетъ или въ Москвѣ или въ Варшавѣ, на службѣ. Но мысленно и онъ тутъ, съ ними.

¹⁾ Старина и Новизна, I, 11.

²⁾ П. П. Вяземскій, Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ. М. 1885, стр. 10.

³⁾ Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 243.

„Сейчасъ у меня сидятъ Тургеневъ и Пушкинъ, — пишетъ Екатерина Андреевна брату и его женѣ, — они васъ обнимаютъ и шлютъ наилучшія пожеланія“.¹⁾ „Сейчасъ, — пишетъ Тургеневъ тому же Вяземскому, — возвратился изъ Петергофа, гдѣ провелъ время съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, слѣдовательно, пріятно“.²⁾ „Жуковский и Пушкинъ вчера были въ Царскомъ Селѣ“, пишетъ онъ же въ другой разъ ему.³⁾ — „Въ воскресенье, — продолжаетъ Тургеневъ свою бесѣду, — Жуковский, Пушкинъ, братъ и я ѣздили пить чай въ Царское Село, и историографъ прочелъ намъ прекрасную рѣчь, которую написалъ онъ для торжественнаго собранія Русской Академіи, по порученію корешковаго ея президента“.⁴⁾ „Думаемъ къ 7 октября, — пишетъ въ свою очередь Карамзинъ своему шурину, — переѣхать въ городъ, читать корректуры, дѣлать визиты, большею частью пустые, пить чай съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, одинъ разъ въ недѣлю кричать съ глухимъ канцлеромъ“.⁵⁾

Послѣдній годъ пребыванія въ Лицеѣ, весь петербургскій періодъ жизни — это время постояннаго общенія Пушкина съ Карамзинимъ, Жуковскимъ, Тургеневымъ, Вяземскимъ. Эти пять лицъ, реально или духовно, постоянно вмѣстѣ; эти пять именъ, можно сказать, неразрывно связаны: это товарищескій кружокъ, въ центрѣ котораго самый старшій изъ нихъ — Карамзинъ. И въ этомъ кружкѣ Пушкинъ — на равной ногѣ съ остальными. Его талантъ признанъ и оцѣненъ всѣми.

Еще въ апрѣлѣ 1815 г. Тургеневъ шлетъ черезъ Вяземскаго поклонъ „Пушкинымъ-поэтамъ“, шутили добавляя: „но не обидѣлся бы одинъ изъ двухъ близкимъ сосѣдствомъ“;⁶⁾ т. е. не задѣтъ бы самолюбія Василя Львовича: онъ поэтъ, давно уже признанный, — ловко ли ставить на одну доску съ нимъ поэта, едва начинающаго, лишь подающаго надежды стать большой величиной?

Также и Карамзинъ: говоря о Васильѣ Львовичѣ, онъ именуетъ его „дядя-поэтъ“, молчаливо заявляя этимъ выраженіемъ, что для него существуетъ другой поэтъ-племянникъ.⁷⁾ Не даромъ, узнавъ, что Пушкинъ, передъ тѣмъ опасно захворавшій, наконецъ, выздоровѣлъ, онъ спѣшитъ подѣлиться радостной вѣстью съ Дмитриевымъ: „Пушкинъ спасенъ музами“.⁸⁾

Этому 18-тилѣтнему поэту 50-тилѣтній Карамзинъ, какъ мы сейчасъ видѣли выше, не считаетъ ниже своего литературнаго достоинства читать, а слѣдовательно, и отдавать на его судъ, приготовленную для Академіи рѣчь. Ему же читалъ онъ въ рукописи отрывки своей „Исторіи“ и не только читалъ, но и прислушивался къ его мнѣнію.

¹⁾ Старина и Новизна, I, 55.

²⁾ Остафьевскій Архивъ, I, 108.

³⁾ Тамъ же, I, 122.

⁴⁾ Тамъ же, 123.

⁵⁾ Старина и Новизна, I, 63; П. П. Вяземскій, 11.

⁶⁾ Остаф. Арх., I, 31.

⁷⁾ Старина и Новизна, I, 16.

⁸⁾ Письма Карамзина къ Дмитриеву, 269.

Первыя слова предисловія онъ измѣнилъ (переставивъ слова?) по его указанію. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ: „Библія для христіанина — то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось преждѣ предисловіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ“.¹⁾ Повидимому, Пушкинъ имѣлъ полное основаніе говорить это: предисловіе къ книгѣ Карамзина начинается, какъ извѣстно, словами: „Исторія въ нѣкоторомъ родѣ есть священная книга народовъ“.

Отзвукъ карамзинскихъ чтеній слышится и въ позднѣйшихъ словахъ Льва Сергѣевича Пушкина, младшаго брата поэта: „Въ свободное время онъ любилъ посѣщать Н. М. Карамзина, проводившаго ежегодно лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ; Карамзинъ читалъ ему рукописный текстъ свой и дѣлился съ нимъ досугомъ и сужденіями“.²⁾

И чѣмъ безалабернѣе проводилъ Пушкинъ свое время въ компаніи случайныхъ собутыльниковъ, чѣмъ глупѣе прожигалъ свою жизнь за картами и виномъ, въ обществѣ легкомысленныхъ Лаисъ, платясь за это здоровьемъ, чѣмъ въ большія крайности впадалъ онъ на засѣданіяхъ „Зеленой лампы“, въ бесѣдахъ на политическія темы, тѣмъ ярче выступала на этомъ смутномъ фонѣ уравновѣшенная, умиротворяющая, высококультурная среда, какую молодой Пушкинъ нашель въ домѣ знаменитаго родоначальника русскаго сентиментализма и новоявленнаго баяна сѣдой старины, подвиговъ ея сказочныхъ героевъ и строителей Русской земли. Пушкинъ-юноша, весь отдавшійся, при самомъ вступленіи въ жизнь, порывамъ и страстямъ своей кипучей африканской природы, нашель въ домѣ Карамзиныхъ нравственную чистоту и сдержку — въ чемъ онъ особенно нуждался — и духовную атмосферу, содѣйствовавшую развитію и болѣе здоровому направленію его генія. А что самъ Пушкинъ счумѣлъ оцѣнить великое воспитательное значеніе семьи Карамзиныхъ, это доказала вся его послѣдующая жизнь и поведеніе.

Дѣло въ томъ, что въ домѣ Карамзиныхъ онъ нашель не только добрыхъ, радушныхъ хозяевъ, но и заботливую опеку, предостереженіе, а подчасъ и гнѣвный упрекъ, откровенно брошенную въ лицо правду. Предостереженій и поученій, вѣроятно, наслушался Пушкинъ немало и отъ Тургенева, но, кажется, далеко не всегда имѣли они желанный успѣхъ. Въ такихъ случаяхъ Тургеневъ возилъ молодого повѣсу на судъ высшей инстанціи — къ Карамзинымъ. Про одну изъ такихъ поѣздокъ онъ оставилъ слѣдующее любопытное свидѣтельство: „Третьяго дня ѣздилъ я къ животворному источнику, т. е. къ Карамзинымъ въ Царское Село. Тамъ долго и сильно доносилъ я на Пушкина. Долго спорили меня, и онъ возвращался, хотя тронутый, но врядъ ли исправленный“.³⁾

Исправится Пушкинъ, дѣйствительно, не исправился; но тронутъ былъ несомнѣнно. Тотъ же Тургеневъ въ послѣдствіи вспоми-

¹⁾ Переписка Пушкина, I, 155.

²⁾ Майковъ, Пушкинъ, стр. 5.

³⁾ Остаф. Архивъ, I, 119.

наль, какъ „Пушкинъ плакалъ — и не разъ — за столомъ“ у Карамзина.¹⁾ Эти слезы — лучшее свидѣтельство тому, насколько свободно, по-сынвену чувствовалъ себя Пушкинъ въ домѣ Карамзиныхъ, насколько близка была для него эта семья, пригрѣвшая, приласкавшая его, такого одинокаго, такого бездомнаго.

На фонѣ этихъ сердечныхъ отношеній тѣмъ непонятнѣе представляется прискорбный случай, грозившій, чего добраго, совершенно замутиль ихъ кристальную воду. Я говорю объ эпиграммѣ Пушкина на „Исторію“ Карамзина. Впослѣдствіи, оправдываясь передъ Вяземскимъ, Пушкинъ утверждалъ, что написалъ онъ ее „въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбилъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему привязанность“. Что это было за оскорбленіе, — мы не знаемъ; равно не знаемъ, какая именно эпиграмма была написана Пушкинымъ. Эпиграммъ, связанныхъ съ именемъ историографа, приписывалось ему нѣсколько; но онъ съ негодованіемъ отрекался отъ нихъ, какъ отъ „глупыхъ и бѣшеныхъ“. Въ настоящее время принято пушкинскими считать слѣдующія двѣ:

1. „Послушайте: я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену;
Про Новгородъ, про время золотое,
И, наконецъ, про Грознаго Царя“.
— Эхъ, бабушка, затѣяла пустое:
Окончи лучше намъ Илью-богатыря.“
*
2. „Въ его „Исторіи“ изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута“.

Между тѣмъ самъ Пушкинъ категорически признаетъ себя авторомъ лишь одной; и если необходимо выбирать непременно одну изъ этихъ двухъ, то, конечно, только вторую, а не первую. Свою эпиграмму Пушкинъ называлъ „одною изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ“ (вообще), считалъ ее „острою“, и дѣйствительно, въ то время какъ первая скорѣе благодупна, чѣмъ „убійственна“ (намекъ на неоконченную Карамзинымъ сказку въ стихахъ: „Илья-богатырь“), вторая, наоборотъ, ядовита, ѣдка, тонкимъ стилетомъ вонзается въ грудь противника.

Какъ могла возникнуть такая эпиграмма? Мы знаемъ, какую высокою чувствительностью обладала та фотографическая пластинка, на которой отпечатлѣвалась пушкинская мысль, даже случайная, даже мимолетная; какіе красочные, сильные образы извлекала она изъ его души; какъ достаточно было малѣйшаго къ ней прикосновенія, чтобы случайно брошенная кѣмъ-нибудь мысль уже находила въ немъ свое яркое выраженіе, и чѣмъ сильнѣе эта мысль въ данную минуту гармонировала съ душевнымъ настроеніемъ поэта, тѣмъ скульп-

¹⁾ Тамъ же, III, 117.

турнѣ выливался вызванный ею образъ, тѣмъ неотразимѣ становился онъ по своей силѣ и яркости. Отчего не допустить, что на одномъ изъ пресловутыхъ засѣданій „Зеленой лампы“, въ пріятельской шумной компаниі „либералистовъ“, такъ охотно будировавшихъ и высмѣивавшихъ реакціонное направленіе тогдашняго правительства, новый трудъ Карамзина подвергался язвительной критикѣ, и эпиграмма Пушкина явилась отзвукомъ господствовавшаго общаго настроенія? Не убѣжденіе свое выражалъ Пушкинъ въ этой эпиграммѣ, а именно настроеніе, летучую мысль. Мало ли какихъ остротъ, ѣдкихъ словъ не срывалось у него съ языка и раньше и позже, именно въ зависимости отъ настроенія, отъ минуты? И если въ данномъ случаѣ общее настроеніе совпало съ чувствомъ личнаго раздраженія и обиды на Карамзина, то тѣмъ болѣзненнѣе, тѣмъ злѣе должно было заговорить его оскорбленное сердце.

А что самая мысль (хотя и успѣла уже найти свой яркій образъ) лишь скользнула въ умъ Пушкина, не оставивъ въ немъ прочныхъ слѣдовъ, доказываетъ то, что ею онъ не подѣлился даже съ самыми близкими къ нему друзьями, хорошо понимая, что его друзья, будучи также и друзьями Карамзина, сами почувствуютъ себя оскорбленными. Александръ Тургеневъ узналъ о существованіи эпиграммы лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Надо думать, эпиграмма, подхваченная собесѣдниками, уже по самому содержанію своему опасная въ цензурно-политическомъ отношеніи, оставалась первое время достояніемъ лишь небольшого круга знакомыхъ и въ широкую публику просачивалась медленно и исподоволь.

Здѣсь, думается, умѣстно напомнить слова кн. Вяземскаго, чело-вѣка наблюдательнаго, связаннаго съ Пушкинымъ тѣсною дружбою, хорошо знакомаго съ интимною стороною его жизни, съ ея сложными душевными переживаніями. „Либеральная, молодая пора его поэзіи“ — говоритъ онъ — „сливается съ порою либерализма, который, какъ повѣтріе, охватилъ многихъ изъ тогдашней молодежи. Нервное, впечатлительное созданіе, какимъ обыкновенно родится поэтъ, еще болѣе, еще скорѣе, чѣмъ другое, бываетъ подвержено дѣйствию повѣтрія. Многіе изъ тогдашнихъ либеральныхъ стихотвореній его были болѣе отголоскомъ того времени, нежели отголоскомъ, исповѣдью внутреннихъ чувствъ и убѣжденій его. Онъ часто былъ Эолова арфа либерализма на торжествахъ молодежи и отзывался тѣми голосами, которые налетали на него“.¹⁾

Не слѣдуетъ упускать изъ виду еще и другого обстоятельства. Вопросъ о томъ, что именно обиднаго для Карамзина вложилъ Пушкинъ въ свою эпиграмму, неизбѣжно останется спорнымъ, пока предварительно мы не установимъ критерія для сужденія о томъ, что именно считать за обидное въ двухъ вышеприведенныхъ эпиграммахъ. А такой критерій, повидимому, еще не отысканъ. Мы только-

¹⁾ Вяземскій, Сочиненія, I, 323.

что назвали первую из приписываемых Пушкину эпиграммъ „скорѣе благодушной, чѣмъ убійственной“, „ядъ“ же, значеніе „тонкаго стилета“ относимъ ко второй. Однако, мы не имѣемъ права замолчать діаметрально противоположнаго взгляда такого авторитетнаго пушкиниста, какъ Лернеръ: бѣшеною, съ точки зрѣнія Пушкина, эпиграммою онъ какъ разъ считаетъ первую („Послушайте...“), а вторую („Въ его Исторіи...“) находитъ добродушною, веселою, острой и ничуть не обидной.¹⁾

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Кто не знаетъ другой эпиграммы Пушкина, на этотъ разъ, несомнѣнно ему принадлежащей, не только рѣзкой, но и грубой, даже выходящей за предѣлы литературной чистоплотности, — эпиграммы, написанной на Каченовскаго — и по какому же поводу? По поводу нападокъ послѣдняго на „Исторію Г. Р.“

„Безсмертною рукой раздавленный зоиль,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужил!
Безчестью твоему нужна ли перемѣна?
Нашъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
Уймись и прежнимъ ты стихомъ доволенъ будь,
Плюгавый выползокъ изъ гузна Лафонтена“.

Пушкинъ явился въ этой эпиграммѣ горячимъ защитникомъ русскаго „Тацита“, негодующимъ на тѣхъ, кто осмѣливался принижать заслуги Карамзина. И намъ извѣстно, что эпиграмма эта выражала собою негодованіе длительное, прочное, отнюдь не была плодомъ минутнаго настроенія или мимолетной вспышки.

Вообще мы еще далеки отъ окончательнаго вывода. Мы лишены основнаго: даже не знаемъ съ точностью, что именно подлежитъ нашему сужденію,²⁾ а потому любой выводъ можетъ имѣть значеніе лишь простой догадки и предположенія, — не болѣе. Къ тому же едва ли когда Карамзинъ и узналъ о существованіи пушкинскаго экспромпта.

Впрочемъ, Пушкинъ и безъ эпиграммъ на Карамзина подвергалъ въ достаточной мѣрѣ испытаніямъ доброе къ себѣ расположеніе своего руководителя и духовнаго опекуна разнаго рода выходками, постоянными дуэлями, несдержаннымъ языкомъ, одами „На вольность“ и эпиграммами на царя и всесильнаго Аракчеева. Одно время Карамзинъ совсѣмъ было махнулъ рукой на него и, „истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго Року и Немезидѣ“. Однако, когда волна, настоящая волна, захватила и понесла его въ пучину; когда надъ этой „безпутной головой“ разразилась

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. Венгерова, II, 535.

²⁾ Про эпиграмму „Въ его Исторіи изящность“ кн. Вяземскій категорически заявлялъ: „Я убѣжденъ, что стихи не Пушкина“ (Старина и Новизна, VIII, 37), а про другую: „Послушайте, я вамъ скажу“ говорилъ, что Пушкинъ, „при всемъ своемъ уваженіи и нѣжной преданности къ Карамзину могъ легко написать эту шалость; она, вѣроятно, заставила бы усмѣхнуться самого Карамзина“ (Сочиненія Вяземскаго, VII, 341).

бѣда, грозя совершенно искалѣчить его жизненный путь, загубить его творческія силы; когда Карамзину не на словахъ, а на дѣлѣ предстала дилемма: спасать ли талантъ, или дѣйствительно предоставить его „Року и Немезидѣ“,¹⁾ тогда онъ не задумался ни на минуту, поспѣшно бросилъ свои книги, побѣждалъ къ вдовствующей императрицѣ и, при ея содѣйствіи, добился замѣны „Соловковъ“ простымъ переводомъ Пушкина изъ Петербурга въ Екатеринославъ.²⁾

Не разувѣрился въ талантъ Пушкина Карамзинъ и позже, хотя и отдѣлялъ его отъ произведеній, имъ порожденныхъ. Въ „Русланъ и Людмилъ“ онъ находилъ „живость, легкость, остроуміе, вкусъ“, но отсутствіе „искуснаго расположенія частей“, недостатокъ интереса: „все сметано на живую нитку“, да притомъ и „любовныхъ похощеній“ чересчуръ много. „Южныя“ поэмы тоже не увлекли Карамзина: ихъ романтизмъ, а тѣмъ болѣе байронизмъ остались ему чужды; онъ не нашель въ нихъ „порядка“, „силы и связи“, однако, призналъ „живописный слогъ, прекрасныя черты“. Талантъ покрывалъ недостатки, и Карамзинъ готовъ упрекнуть своего стараго друга и соратника по перу И. И. Дмитріева, за то, что тотъ отказывался „отдать справедливость таланту.“³⁾

Можно спросить: почему Карамзинъ, въ 1820 году такъ горячо принявшій къ сердцу бѣду, нависшую надъ Пушкинымъ, и сдѣлавшій все отъ себя зависимое, чтобы отвести нанесенный на него ударъ, — почему въ 1824 году, когда Пушкина выслали изъ Одессы въ деревню, и пальцемъ не пошевелилъ въ защиту „прекраснаго таланта“? Упущено ли было благопріятное для того время? Рѣшеніе ли было приведено въ исполненіе прежде, чѣмъ до Карамзина дошла о немъ вѣсть? Возможно, что такъ; но возможно и другое. Въ 1820 году Пушкинъ далъ ему слово вести себя „разсудительнѣе“ въ теченіе двухъ лѣтъ,⁴⁾ а теперь... теперь вотъ что писалъ Карамзинъ Дмитріеву про своего протеже: „Онъ не сдержалъ слова, мнѣ имъ даннаго въ тотъ часъ, когда мысль о крѣпости ужасала его воображеніе; не переставалъ врать словесно и на бумагѣ, не могъ ужить даже и съ графомъ Воронцовымъ, который совсѣмъ не деспотъ.“⁵⁾

Какъ примирить заявленіе о двухлѣтнемъ срокѣ съ поведеніемъ Пушкина въ Одессѣ уже по истеченіи этого срока, мы не знаемъ, да и самая оригинальность такой срочности, не удивительная въ Пушкинѣ, но въ самой основѣ своей мало серьезная, не позволяетъ думать, чтобы и Карамзинъ понималъ обѣщаніе буквально. Какъ бы то ни

¹⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, 286.

²⁾ Майковъ, Пушкинъ, 326. По словамъ Лонгинова, Карамзинъ, по просьбѣ Чаадаева, обратился съ ходатайствомъ за Пушкина къ графу Каподистрія (Письма Карамзина, стр. 0124).

³⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, 290, 337, 370; Старина и Новизна, I, 131.

⁴⁾ „Авось будетъ разсудительнѣе; по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово на два года“. Письма Карамзина къ Дмитріеву, 290.

⁵⁾ Старина и Новизна, I, 156.

было, но вся обстановка отнимала надежду на успѣхъ ходатайства. Карамзинъ, видимо, не захотѣлъ рисковать очутиться въ неловкомъ положеніи, и въ этотъ разъ онъ, дѣйствительно, предоставилъ бѣдную „путанную голову“ Року и Немезидѣ.

Между тѣмъ жизнь на Югѣ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка въ Михайловское внесли новые оттѣнки въ отношенія Пушкина къ Карамзину. На разстояніи онъ отчетливѣе и яснѣе созналъ, какую великую моральную силу потерялъ онъ, лишившись непосредственнаго и постояннаго общенія съ своими царскосельскими и петербургскими друзьями. Это сознаніе проявляется то въ формѣ тревоги — что съ Карамзиными, или въ благодарности Тургеневу за то, что онъ „успокоилъ“ его „на щетъ Николая Михайловича и Екатерины Андревны“;¹⁾ то въ заявленіи, обращенномъ къ Жуковскому: „Ты увидишь Карамзиныхъ... тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня, что хочешь“.²⁾ Что хочешь!... Говоря это, Пушкинъ въ ту минуту и словъ не находитъ равноцѣнныхъ для выраженія своего чувства! „Приличія“ не позволяютъ ему писать непосредственно Карамзинымъ, но онъ „любитъ ихъ отъ всего сердца“ и хочетъ быть постоянно освѣдомленнымъ о нихъ.³⁾ Семья Карамзиныхъ у него въ числѣ тѣхъ „немногихъ“, кого ему хочется вспоминать и кому хочется напомнить о себѣ.⁴⁾

Въ глухомъ уединеніи Михайловскаго Пушкинъ пережилъ впечатлѣнія, представившія ему Карамзина нѣсколько въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ въ какомъ онъ привыкъ его видѣть до сей поры. Еще раньше, въ 1818 году, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи Г. Р.“, Пушкинъ прочелъ ихъ „съ жадностью и со вниманіемъ“; теперь (1824) онъ ознакомился съ продолженіемъ этого монументальнаго труда, и высокій драматизмъ событій эпохи послѣднихъ двухъ Юриковичей съ наступившей затѣмъ Смutoю настолько захватилъ Пушкина, что неожиданно, можетъ быть, для него самого далъ жизнь знаменитой „Комедіи о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“.

„Борисъ Годуновъ“ составилъ настоящую эпоху въ исторіи пушкинскаго творчества. Съ нимъ Пушкинъ не только вступилъ на новую дорогу — „Борисъ Годуновъ“ раскрылъ ему истинные размѣры, глубину и мощь его собственнаго творчества. „Это лучшее мое произведеніе“, отзывался о немъ авторъ. Здѣсь все ново, ничего похожаго на прежняго „Руслана“, ни на одну изъ „южныхъ“ поэмъ, и это новое всецѣло навѣяно чтеніемъ Карамзина. Если форму Пушкинъ заимствовалъ у Шекспира; если въ расположеніи отдѣльныхъ частей чувствуется вліяніе Шлегеля, то содержаніемъ онъ обязанъ „Исторіи Г. Р.“ и лѣтописямъ; не надо только забывать, что не лѣтописи при-

¹⁾ Переписка Пушкина, I, 91.

²⁾ Тамъ же, I, 153.

³⁾ Тамъ же, I, 259.

⁴⁾ Тамъ же, I, 124.

вели Пушкина къ Карамзину, а Карамзинъ привелъ его къ лѣтописямъ, и что на вопросъ Вяземскаго о планѣ его „Комедіи“ Пушкинъ отвѣчалъ: „Ты хочешь плана? Возьми конецъ X-го и весь одиннадцатый томъ — вотъ тебѣ и планъ“.

Что изъ того, если та или иная подробность взята Пушкинымъ не у Карамзина, что нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ у Карамзина не встрѣчаются? — Было бы нелѣпо предполагать, будто пушкинскій геній могъ строить свое произведеніе, раболѣпно замкнувъ себя въ двухтомныя рамки „Исторіи“; но какъ бы мы ни расширили матеріалъ, привлеченный авторомъ для своего труда, все же трудъ-то самый выросъ на почвѣ, взрыхленной Карамзинымъ. И даже тамъ, гдѣ „имена“ у Пушкина не-карамзинскія, — даже и тамъ слышится отзвукъ Карамзина. Взять, напримѣръ, Пимена. Его нѣтъ въ „Исторіи Г. Р.“, но вотъ что говоритъ про него Пушкинъ въ письмѣ къ Н. Н. Раевскому: „Мнѣ казалось, что сей характеръ все вмѣстѣ: новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь живо постигнутое Карамзинымъ и отраженное въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателя“.

Не слышится ли въ этихъ словахъ молчаливаго указанія на то, что и образъ Пимена навѣянъ чтеніемъ карамзинской книги?

Чѣмъ внимательнѣе всматривался и вдумывался Пушкинъ въ обстановку и условія своей жизни, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что Карамзинъ и Жуковскій — это главная, наиболѣе прочная, вѣрная (да притомъ и не единственная ли?) опора его. Въ наиболѣе трудныя минуты онъ прибѣгаетъ къ нимъ за совѣтомъ или поддержкой, увѣренный, что они не откажутъ въ ней.

Первое время по пріѣздѣ изъ Одессы въ деревню онъ весь подъ гнетомъ сразившаго его удара; и тутъ, на новомъ мѣстѣ, его встрѣчаютъ раздоръ съ отцомъ, „повелѣніе“ губернатора явиться въ Псковъ. Все это волнуетъ его; онъ готовъ „всего ожидать“; „однако, пишетъ онъ брату, поговори съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ“.¹⁾

Да, онъ знаетъ, онъ увѣренъ, что Карамзинъ и Жуковскій для него истинные геніи-покровители. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не къ нимъ обращается за совѣтами и указаніями его мать, собираясь подать прошеніе государю съ ходатайствомъ за сына?²⁾ И развѣ не самъ онъ обращается къ нимъ въ тревожную минуту, предвидя возможность привлеченія его къ дѣлу о декабристахъ? Бесѣдуя, письменно, съ Жуковскимъ на эту щекотливую и опасную тему, перечисляя по пунктамъ, что именно можно было бы поставить ему въ вину, развѣ не самъ онъ заканчивалъ свое признаніе словами: „преждѣ чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его еще Карамзину и посоветуйся съ

¹⁾ Тамъ же, I, 140.

²⁾ Тамъ же, I, 277, 283.

нимъ“? ¹⁾ Да, отъ Карамзина у Пушкина нѣтъ и не можетъ быть тайнъ; наоборотъ, его душа передъ нимъ всегда раскрыта.

Извѣстіе о болѣзни Карамзина глубоко волнуетъ Пушкина: „Карамзинъ боленъ! милый мой, это хуже многого. Ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты“.²⁾ Первое время послѣ его смерти онъ носится съ мыслью почтить „тѣнь“ усопшаго историографа большою статьею, нарисовать цѣльный, но сложный образъ человѣка, ученаго, литератора, политика; „бѣсится“, читая статьи, появившіяся въ печати о скончавшемся: „какъ они холодны, глупы и низки! Не ужъ то ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти?... Карамзинъ принадлежитъ исторіи“, говоритъ онъ кн. Вяземскому, убѣждая его взяться поскорѣй за перо.³⁾ Съ перваго наброска, однако, ему становится ясно, что для полного синтеза, широкаго обобщенія не пришло еще время.

Смерть Карамзина не только не порвала узъ, связывавшихъ Пушкина съ его семьей, но можно сказать, еще прочнѣе закрѣпила ихъ. Пѣтетъ къ старшему другу и покровителю Пушкинъ сосредоточилъ теперь на его женѣ, на дѣтяхъ. Въ ихъ домѣ онъ попрежнему желанный и постоянный гость и, какъ раньше, на родственномъ положеніи члена семьи. Если иногда онъ и „пропадаетъ безъ вѣсти“, ⁴⁾ то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда несчастная страсть къ картамъ держитъ его у себя въ плѣну; но если онъ „свободенъ“, то вотъ что пишетъ Карамзина Дмитріеву: „Мы, по обыкновенію, мало выѣзжаемъ: дома видимъ нѣсколько пріятелей, оставшихся вѣрными воспоминаніямъ прошедшаго: Жуковскаго, Дашкова, Пушкина и др.; послѣдній ежедневно у насъ; итакъ, не повѣсничаетъ“.⁵⁾ Если, въ проѣздъ черезъ Петербургъ, торопясь въ Москву, онъ удѣлялъ Карамзинымъ времени менѣе обычнаго, то тамъ уже говорили: „здѣсь онъ былъ для насъ почти невидимъ“.⁶⁾

Если Вяземскій дѣлится съ сестрой новостями, то не считаетъ нужнымъ повторять ихъ Пушкину: къ чему? „Ты у Карамзиныхъ видишь наши московскіе рапорты, и потому не пишу тебѣ особенныхъ.“⁷⁾ Если Пушкинъ ѣдетъ въ Москву, то Карамзины надѣляютъ его порученіями туда.⁸⁾ Черезъ Карамзиныхъ Пушкинъ шлетъ свои поклоны Дмитріеву,⁹⁾ а Дмитріевъ, въ свою очередь, избираетъ его своимъ посредникомъ для поклоновъ „Катеринѣ Андреевнѣ съ ея семьею“.¹⁰⁾

Вспомнимъ слова А. О. Смирновой про Пушкина: „Я наблюдала

¹⁾ Тамъ же, I, 318.

²⁾ Тамъ же, I, 330: письмо Плетневу.

³⁾ Тамъ же, I, 357.

⁴⁾ Тамъ же, II, 69: письмо Вяземскаго.

⁵⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, 430.

⁶⁾ Письма Карамзина, 432.

⁷⁾ Переписка Пушкина, II, 343.

⁸⁾ Письма Карамзина, 437.

⁹⁾ Тамъ же, 439.

¹⁰⁾ Переписка Пушкина, III, 187.

за его обращеніемъ съ г-жей Карамзиной: это не только простая почтительность по отношенію къ женщинѣ уже старой, — это нѣчто болѣе ласковое. Онъ чрезвычайно дружески почтителенъ съ княгиней Вяземской, съ М-те Хитрово, но его обращеніе съ Карамзиной совсѣмъ не то¹⁾

Напомнимъ и „Акростихъ“ Пушкина старшей дочери Карамзина, Екатеринѣ Николаевнѣ, будущей княгинѣ Мещерской:²⁾

„Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ.
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Простой, увядшій мой вѣнецъ
Тебѣ, высокое свѣтило
Въ эфирной тишинѣ Небесъ,
Тебѣ, сіяющей такъ мило
Для нашихъ набожныхъ очесъ“.

Мадригаловъ и разнаго рода стихковъ въ дамскіе альбомы писалъ Пушкинъ на своемъ вѣку немало; значительная часть ихъ по содержанію довольно поверхностны, неглубоки, носятъ шутливый характеръ; иногда это простая салонная любезность: на этотъ разъ, однако, онъ нашель и мысль и образы болѣе возвышенные, не такіе ординарные. Я не касаюсь чисто художественной стороны произведенія; не стану разбираться въ вопросѣ, насколько адресатъ соотвѣтствовалъ образу, созданному поэтомъ; какъ въ произведеніи „альбомномъ“, и въ этомъ восхищеніе и хвала нѣсколько приподняты; но характерно, что, попадая въ атмосферу карамзинской семьи, Пушкинъ невольнo поддавался влиянію ея благородства, — влиянію, какое онъ испытывалъ еще съ юныхъ лѣтъ, и ему становилось невозможнымъ спуститься до уровня шаблоннаго мадригала. А еще характернѣе сопоставленіе пловца съ самимъ собою. Дѣйствительно, развѣ и онъ не былъ пловцомъ, котораго бури безжалостно метали по морю житейскому, который тонулъ, и развѣ не въ семьѣ Карамзиныхъ находилъ онъ въ критическія минуты спасительную пристань и отдыхъ отъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній? Въ лицѣ Екатерины Николаевны Пушкинъ обращался, въ сущности, ко всей семьѣ Карамзиныхъ въ ея настоящемъ и прошломъ составѣ. Эта семья, подобно „высокому свѣтилу“, освѣщала его жизненный путь.

На этомъ фонѣ дружескихъ отношеній, скрѣпленныхъ „тѣнью“ историографа, для иныхъ могутъ прозвучать диссонансомъ слова Пушкина къ Плетневу въ письмѣ 21 января 1831 г.: „Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ“.³⁾ Слова эти остались безъ поясненія, но, ка-

¹⁾ Сѣверный Вѣстникъ 1894, № 4, стр. 159 (заимств. изъ „Дневника Пушкина“, подъ ред. Модзалевскаго, стр. 34).

²⁾ Пушкинъ и его современники, XXVIII, 2.

³⁾ Переписка Пушкина, II, 220.

жется, надлежащій ихъ смыслъ найти будетъ возможно. Пушкинъ писалъ подѣ свѣжимъ, гнетущимъ впечатлѣніемъ смерти лицейскаго товарища Дельвига. Онъ потерялъ въ немъ самага сердечнаго друга; никого, кажется, не любилъ онъ такъ горячо, такъ беззаветно. На фонѣ тяжелой утраты всѣ остальные болѣе раннія привязанности невольно блѣднѣли, дѣлались „чуждыми“. Притомъ не слѣдуетъ забывать о долговременной разлукѣ: послѣднія шесть лѣтъ жизни Карамзина они не видались. Эта разлука еще рѣзче проявила и безъ того уже чувствовавшееся расхождение двухъ поколѣній, „отцовъ“ и „дѣтей“: уравновѣшеннаго консерватизма Карамзина и негодующаго протеста поэта, который, въ своемъ вынужденномъ изгнаніи, былъ не въ силахъ забыть и простить тѣмъ, кто сковалъ свободу его дѣйствій и мысли.

Характерно однако, что, дѣлясь съ Плетневымъ своимъ горемъ, Пушкинъ вспоминаетъ, для сопоставленія съ Дельвигомъ, не кого иного, а именно Карамзина. Что это значить? Это значить, что сравненія съ Дельвигомъ не можетъ выдержать даже Карамзинъ; что даже онъ въ данную минуту остается чужимъ человѣкомъ наряду съ тѣмъ, чья смерть такъ больно ранила его сердце.

Годы шли, Пушкинъ мужаль, возникали новыя знакомства, новыя интересы, измѣнялась прежняя обстановка, но чувства къ Карамзинымъ оставались неизмѣнными. „Сказывалъ ли ты Катеринѣ Андр. о моей помолвкѣ“, спрашивалъ Вяземскаго Пушкинъ: „Я увѣренъ въ ея участіи, но передай мнѣ ея слова: онѣ нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ щастливому“.¹⁾

Какъ много сказано въ этой короткой, выразительной фразѣ! Въ комментаріяхъ она не нуждается...

Наступаютъ послѣдніе годы жизни. Тревожныя минуты подходят все чаще и чаще; поэтъ, видимо, чувствуетъ приближеніе безжалостнаго „Рока и Немезиды“ и, какъ раньше, въ юные годы, онъ свободно раскрывалъ передъ старымъ Карамзинымъ тайники своей молодой мятущейся души, такъ и теперь, въ зрѣлые годы, онъ повѣряетъ свои тайны Екатеринѣ Андреевнѣ, ставшей для него второю матерью: открыться — на душѣ станетъ легче. Я имѣю въ виду первое столкновеніе съ Геккереномъ въ ноябрѣ 1836 года. Даже Жуковский призналъ неосторожнымъ поступкомъ эту откровенность: „Я запретилъ имъ крѣпко на крѣпко говорить о томъ, что слышали отъ тебя, убѣдивъ ихъ, что вамъ непременно надобно будетъ драться, если тайна теперь или даже и послѣ откроется“.²⁾

Характерно, что въ предсмертныя минуты Пушкинъ пожелалъ не только видѣть Карамзину, но и получить отъ нея благословеніе. „Благословите меня“, обратился онъ къ ней и, не довольствуясь тѣмъ, что она благословила его издали, позвалъ ее къ себѣ ближе, самъ поло-

¹⁾ Переписка Пушкина, II, 145.

²⁾ Переписка Пушкина, III, 402.

жилъ ея руку себѣ на лобъ и, когда Карамзина исполнила его просьбу, Пушкинъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.¹⁾

Благословеніемъ, напутствіемъ началось для Пушкина его общеніе съ Карамзинымъ въ Лицеѣ; благословеніемъ, напутствіемъ его жены оно и кончилось тутъ, у смертнаго одра. Въ сложной гаммѣ душевныхъ переживаній нашего великаго поэта образъ Карамзина сопотствуетъ имъ съ перваго момента до послѣдняго.

II. НАСЛѢДІЕ АФРИКИ.

Когда говоришь или думаешь о происхожденіи Пушкина, то не бередишь ли наше ухо, не кажется ли черезчуръ уродливымъ, несообразнымъ такое сочетаніе словъ: Пушкинъ и арапъ Ибрагимъ, его предокъ по женской линіи? Вѣдь противоположность между правнукомъ и прадѣдомъ поистинѣ глубокая, коренная! Одинъ — творецъ Пророка, Анчара, Каменнаго Гостя, Скупого Рыцаря; создатель благородныхъ, прелестныхъ образовъ, изваянныхъ такимъ тонкимъ, деликатнымъ рѣзцомъ! А другой... Что такое этотъ другой? Если мы привыкли представлять его себѣ по портрету, нарисованному гениальнымъ правнукомъ, то, вѣдь, не слѣдуетъ забывать, что „Арапъ Петра Великаго“ — произведеніе не историческое: здѣсь истина, живая правда смѣшана съ художественнымъ вымысломъ. Близость къ великому царю наложила на „Арапа“ печать извѣстнаго благородства; во Франціи, у Пушкина, онъ ведетъ себя, какъ самый записной cavalier galant: обольщаетъ красавицъ, заставляетъ ихъ страдать, получаетъ отъ нихъ нѣжныя письма... Реальный же арапъ, Абрамъ-Ибрагимъ Петровичъ Ганнибалъ, на дѣлѣ, самый обыкновенный черномазый, въ лучшемъ случаѣ шоколадный африканецъ, вродѣ тѣхъ, кого и сейчасъ хотъ цѣлыми караванами сгоняй съ окраинъ африканскаго материка на показъ европейцу.

Сынъ мелкаго абиссинскаго князька, онъ навсегда сохранилъ свои племенные черты: натура сильная, но необузданная, вспыльчивая, въ основѣ совершенно дикая, лишь слегка прикрытая тонкимъ налетомъ внѣшней цивилизаціи. Изъ него вышелъ недурной инженеръ; онъ научился служить государству, ставшему его второю родиной; съ природнымъ умомъ, онъ умѣло приспособился къ обстановкѣ, въ какую забросила его судьба: усиленно поднимался по служебной лѣстницѣ, падалъ съ нея и снова лѣзъ вверхъ. Всесильный Меншиковъ собирался было сгноить его въ далекомъ Селенгинскѣ; Долгорукіе не подпускали его къ Москвѣ ближе Тобольска; но онъ вынырнулъ, переждалъ бурю, скрываясь на своей ревельской мызѣ, и умеръ генераль-аншефомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. При всемъ томъ, „африканецъ“ продолжалъ сидѣть въ немъ до конца

¹⁾ Пушкинъ и его современники, VI, 95.

жизни. Онъ истязалъ свою жену, какъ истый дикарь; пять лѣтъ держалъ ее взаперти на Госпитальномъ дворѣ, потомъ бросилъ, женился на другой. Что для него плети? Вполнѣ натуральный, почти необходимый исходъ кипящимъ страстямъ, своего рода клапанъ въ Папиновомъ котлѣ. Что ему двоеженство, если тамъ, на родинѣ, люди его крови открыто держатъ по нѣсколько женъ?..

Характерно, что его сынъ Петръ тоже не ужился съ женою; другой сынъ Осипъ, родной дѣдъ нашего поэта, былъ „сорви-голова и ужасъ семьи“,¹⁾ притомъ настоящій мавръ-Отелло. „Африканскій характеръ“, „пылкія страсти“, „ужасное легкомысліе“ — вотъ какими чертами рисуетъ Пушкинъ своего дѣда.²⁾ И этотъ тоже бросилъ свою жену съ трехлѣтней дѣвочкой Надей и по фальшивому свидѣтельству обвинчался съ другой. Да и эта самая Надя, Надежда Осиповна, мать поэта, „красавица-креолка“, какъ ее называли въ обществѣ, когда она выросла, она проявила себя такою же вспыльчивою, упрямою, капризно-властолюбивою. Въ минуту раздраженія она способна ударить по лицу свою взрослую тридцатилѣтнюю дочь на балу, на виду у всѣхъ. Разсердившись на сына, она цѣлый годъ дуется на него и не разговариваетъ.

Ставъ русскими помѣщиками, Ганнибалы не перестали быть арапами и особенно легко усвоили ту сторону помѣщичьяго права, которая открывала широкій просторъ ихъ необузданнымъ порывамъ. Въ минуты гнѣва и раздраженія, людей у Ганнибаловъ выносили на простыняхъ. Смыслъ этого крѣпостного термина, замѣчаетъ Анненковъ,³⁾ достаточно понятенъ и не нуждается въ комментаріяхъ.

Вообще, это люди особаго, не нашего темперамента; въ рамкахъ европейской жизни имъ тѣсно, имъ постоянно хочется освободиться отъ нихъ. Еще не приладились, еще не освободились отъ абиссинской закваски. Дереву, пересаженному въ новую, чуждую ему почву, обыкновенно требуется много времени на то, чтобы переродиться и приспособиться къ новымъ условіямъ существованія.

Африка слышится и въ ихъ плодовитости. „Арапъ“ народилъ 11 дѣтей; у его сына Исаака ихъ было 15. Это не лѣнивое бездѣлье людей, ожирѣвшихъ въ провинціальномъ, захолустномъ углу, на своихъ пуховикахъ и мягкихъ перинахъ — это прямо клокотанье крови, бурной, страстной, неутолимой, это настоящій крикъ темперамента. Притомъ темпераментъ рука объ руку съ физическимъ здоровьемъ. „Арапъ“ прожилъ 83 года, по другому подсчету — даже 92; сынъ Иванъ 70, а Петръ 75 лѣтъ; и только Осипъ да Исаакъ не пошли дальше: 63-хъ одинъ, 57 лѣтъ — другой.

Повторяю, какая противоположность между духовнымъ, утонченнымъ обликомъ нашего поэта и этими... скажемъ, во избѣжаніе бо-

¹⁾ Анненковъ, Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 13.

²⁾ „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“.

³⁾ Анненковъ, Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 12.

лѣ яркихъ и рѣзкихъ опредѣленій, чувственникови-Ганнибалами! По-
годите, однако. Можетъ быть, именно въ области чувственности разница
и окажется не настолько ужь громадною. Смягчатся, облагородятся
формы, но наслѣдство крови прорвется наружу, несмотря ни на что.
Да всегда ли и формы предстанутъ предъ нами болѣе деликатными
и облагороженными? Развѣ не про себя сказалъ Пушкинъ:

„Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній?...“¹⁾

И развѣ не о Пушкинѣ оставили свидѣтельство его товарищи по Ли-
цею, говоря, что онъ „былъ до того женолюбивъ, что, будучи еще
15-ти или 16-ти лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей,
во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, со-
пѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна“?...²⁾

И это наслѣдство крови еще дастъ себя знать! Не Пушкинъ ли

„Въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской“, —

не онъ ли

„Звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья“?...³⁾

Нѣсколько позже та же страсть заставитъ его въ холодную ночь,
подъ дождемъ, настойчиво ломиться въ двери больной прелестницы,
которая, его же оберегая, отказывается пустить къ себѣ, и онъ пла-
тится за свои пылкія чувства тяжелой горячкой. Та же страсть, нераз-
борчивая въ поискахъ, не разъ загрязнитъ его не только духовно.
Зато она же — и съ какой силою, какъ ярко и вдохновенно — помо-
жетъ ему изобразить томленія и переживанія влюбленнаго сердца:
приступы безумнаго отчаянія, радость пылкаго свиданія, горечь об-
манутыхъ надеждъ!...

Не будь Пушкинъ сангвиникъ, могъ ли бы онъ написать свои эле-
гіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты?“, „Ненастный день потухъ“,
„Сожженное письмо“? Или эту неподобную „Ночь“, которая вся тре-
петаніе, томленіе и нѣжность любящаго сердца? Или „Я помню чуд-
ное мгновенье“, такое простое, благородное и возвышенное, — эту сим-
фонію проснувшейся души, неожиданно для самой себя вновь ощу-
тившей и познавшей утраченный было міръ красоты, вдохновляю-
щей, творческой, облагораживающей?...

Кровь говоритъ въ немъ на каждомъ шагу. Онъ женатъ, но жены
ему мало. Не разъ со старыми пріятелями онъ проводитъ время, какъ

¹⁾ Къ Ф. Ф. Юрьеву, 1818.

²⁾ Я. Гротъ, записка Комовскаго.

³⁾ Мечтателю, 1818.

и раньше, по-холостому. Жена беременна, ходитъ послѣдній мѣсяць, и лакей, при уборкѣ его постели, находитъ въ ней натѣльный крестъ бариновой свояченицы. Значитъ ли, что онъ разлюбилъ свою жену? Нисколько; онъ по-прежнему любитъ ее до безумія.

Онъ страстенъ, влюбчивъ — вспомнимъ его „Донъ-Жуанскій списокъ“; вспомнимъ, что и самъ онъ говоритъ про себя: „болѣе или менѣе я былъ влюбленъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которыхъ зналъ“.

„Африка“ сказывалась и въ его вспыльчивости, нерѣдко доходившей до бѣшенства. Въ гнѣвѣ онъ не помнилъ себя. Онъ постоянно подъ въздѣйствіемъ перваго минутнаго настроенія; чувства мѣры, казалось, у него не существовало. Чувства мѣры!.. Какъ странно и дико выговаривать такія слова, отрицать его у того, кто въ своемъ художественномъ творествѣ лучше, чѣмъ кто иной, чувствовалъ эту самую мѣру и далъ такіе поразительные образцы строгаго соблюденія ея! Можно подумать, что въ жизни, въ общеніи съ людьми, Пушкинъ намѣренно хотѣлъ вознаградить себя за проявленную въ моменты творчества сдержанность и умѣренность и потому нарочно хваталъ черезъ край!

Стоитъ въ дѣтскихъ играхъ обогнать его или однимъ ударомъ повалить кегли, вообще превзойти его, — и имъ уже овладѣваетъ припадокъ бѣшенства. Разсерженный тѣмъ, что ему помѣшали работать, онъ схватываетъ со стола бумагу, на которой писалъ, комкаетъ ее и швыряетъ въ лицо вошедшему. Въ минуту гнѣва схватить подсвѣчникъ и замахнуться имъ; повздоривъ за картами, снять сапогъ и подошвой ударить въ лицо играющаго; дать пощечину человѣку, пришедшему къ нему (правда, вынужденно) съ извиненіемъ, найдя форму извиненія насмѣшливой для себя; въ пьяномъ видѣ, изъ-за пустого замѣчанія своего же пріятели вскипѣть, надѣлать глупостей и вызвать этого самого пріятеля да, въ придачу, еще другого добраго знакомаго — это все выходило у Пушкина само собой, какъ совершенно естественное, вполне нормальное. Что мѣра превзойдена, что человѣкъ переступилъ всѣ предѣлы благоразумія — потомъ это онъ самъ первый же признаетъ, но все дѣло въ томъ, что это только потомъ; въ минуту же совершенія дѣйствія онъ не разсуждаетъ, онъ весь во власти крови, которая бѣшено кипитъ и негодуетъ, не позволяя разсуждать.

Пробѣжалъ же онъ (въ Одессѣ), въ припадкѣ бѣшенства, пять верстъ съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ, въ тридцатипятиградусную жару! Возбужденіе вызывало приливъ къ головѣ, и ее приходилось освѣжать водою. На балу, значить, на людяхъ, узнавъ, что царь сдѣлалъ его камеръ-юнкеромъ, онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что друзья вынуждены были увести его въ кабинетъ хозяина и тамъ успокаивать. Вспомнимъ роковое письмо Пушкина къ Геккерену-отцу, приведшее къ роковой дуэли — каждая строка въ немъ дышетъ кипучимъ негодованіемъ, безграничной ненавистью;

каждое слово сознательно отравлено оскорбительнымъ ядомъ презрѣнія; оно пугаетъ насыщенностью своей злобы, силою мстительнаго чувства. И, кажется, явись передъ Пушкинымъ въ тѣ минуты самъ старый Геккеренъ, его рука нервнымъ движеніемъ отбросила бы въ сторону перо и бѣлый листъ бумаги и судорожно впилась бы въ горло ненавистнаго человѣка. Даже черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, при чтеніи письма графу Соллогубу, губы Пушкина дрожали, глаза налились кровью, и на него страшно было смотрѣть.

Въ 1820 году, передъ высылкой Пушкина изъ Петербурга на Югъ, въ городѣ распустили слухъ, будто за вольнодумство его подвергли тѣлесному наказанію (розгамъ). Гнусная клевета привела его въ бѣшенство. Внѣ себя, обуреваемый гнѣвомъ, и не будучи въ силахъ побороть его, онъ въ первую минуту, какъ самъ потомъ признавался, рѣшилъ было нарочно выказать въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ максимумъ наглости и буйства, чтобы заставить правительство поступить съ нимъ, какъ съ дѣйствительнымъ преступникомъ. „Я жаждалъ ссылки въ Сибирь (говорилъ онъ), видя въ ней единственное средство возстановить свою честь“. Къ счастью, припадокъ бѣшенства въ-время прошелъ, африканская кровь улеглась, разсудокъ вступилъ въ свои права, и злосчастное намѣреніе (которое, въ самомъ дѣлѣ, погубило бы его) приведено въ исполненіе не было. Однако, и пять лѣтъ спустя Пушкинъ все еще дрожалъ отъ негодованія при воспоминаніи о позорной молвѣ, какую распустили тогда на его счетъ.

Та же „Африка“ сказывается и на живости его темперамента, на его впечатлительности. „Живой вулканъ“, опредѣлялъ его Федоръ Глинка. Никогда не посидитъ онъ на мѣстѣ — отзывались лица, знавшія близко его въ домашней обстановкѣ. „Егоза“ — звали его въ Лицеѣ. „Неуимчивый“ — опредѣляла его няня Арина Родіоновна. Его нервы, по словамъ родной сестры, были точно на шарнирахъ: всегда ходили. Рѣчь его была быстра, порывиста; разговаривалъ онъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ. „Тамъ, гдѣ танцовали, онъ отъ всей души предавался пляскѣ; гдѣ былъ легкій разговоръ — онъ былъ неистощимъ въ остротахъ“ (Липранди). Весь во власти минутнаго настроенія — опредѣлялъ онъ самъ себя, вспоминая впослѣдствіи лицейскіе годы:

„Когда порой бывалъ прилежень,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ“.¹⁾

Подвигъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражался, на карту, приводилъ его въ восхищеніе. Какой либо случай самоотверженности вызывалъ въ немъ самую живую радость. Съ рас-

¹⁾ Строки, не вошедшія въ окончательную редакцію восьмой главы „Евгенія Онѣгина“.

краснѣвшимися лицомъ, съ блестящими глазами слѣдилъ онъ за разсказами изъ военной жизни (Липранди): въ эти минуты онъ былъ весь слухъ и напряженное вниманіе.

И Пушкинъ не только слушалъ. Предоставьте ему случай, и онъ не ограничится ролью простаго „слушателя“. Развѣ не онъ, подъ Эрзерумомъ, во время одной схватки, въ увлеченіи, забывъ все, бросился подъ турецкія пули? Чуть только послышались первые выстрѣлы, онъ вскакиваетъ на лошадь; одинъ мигъ — и онъ на аванпостахъ, а тамъ, отдѣлившись отъ своихъ, бросается, съ саблею наголо, на турокъ, которые летятъ на него. Мысль о ранѣ, о смерти, о плѣнѣ (въ который онъ въ этотъ разъ, дѣйствительно, едва не попалъ) чужда ему въ эту минуту. Не даромъ въ своемъ „Пиру во время чумы“ съ такимъ жаромъ говоритъ онъ объ „упоеніи въ бою“...

Живой, пылкій и раздражительный, онъ легко переходилъ отъ гомерическаго смѣха къ тоскѣ, отчаянію, и наоборотъ. Отказъ въ разрѣшеніи поступить юнкеромъ въ дѣйствующую армію на Дунаѣ приводитъ его въ отчаяніе; онъ не спитъ, теряетъ аппетитъ; у него разливается желчь, и онъ вынужденъ лечь въ постель. И тутъ же сообщеніе, что его не пускаютъ въ армію опасаясь за него, дорожа его поэтическимъ гениемъ; поданная надежда попасть на Дунай, если не юнкеромъ, то приспавшись къ походной канцеляріи, сразу возвращаетъ ему и здоровье и веселое настроеніе.

Впечатлительность иной разъ толкаетъ его на поступки, отъ которыхъ онъ потомъ самъ готовъ отказаться. Въ самые зрѣлые годы онъ способенъ дѣйствовать опрометчиво: подать прошеніе государю объ отставкѣ и чуть не на другой день взять его обратно. „Въ минуту огорченія и слѣпой досады“ (по собственному признанію) онъ пишетъ оскорбительное для министра Уварова стихотвореніе („На выздоровленіе Лукулла“) и потомъ самъ сожалѣетъ объ этомъ, сознавая, что не имѣлъ права наносить обиду. Безденежье вынуждаетъ его и семью невѣсты отложить свадьбу на неопредѣленное время, и онъ уже готовъ отказаться отъ самой свадьбы, задумываетъ ѣхать въ Польшу, — и все это подъ впечатлѣніемъ первой минуты.

Необдуманное слово, особенно если оно ѣдкое или явно несоответствующее ни положенію ни моменту и звучитъ насмѣшкой, всегда готово слетѣть съ его устъ. Читаетъ онъ Евангеліе и на вопросъ подошедшаго ректора семинаріи, архимандрита, отвѣчаетъ (конечно, только потому, что спрашивающій былъ лицо духовное): „читаю исторію одной особы (статуи)“. Потомъ онъ сейчасъ же спохватится, отлично понимая, что такой отвѣтъ грозитъ ему, въ его положеніи ссыльнаго (дѣло происходило въ Кишиневѣ), очень и очень большими неприяностями: доносомъ, обвиненіемъ въ безбожии..., но опять же его сознаніе приходитъ только „потомъ“, въ первую же минуту онъ всецѣло во власти своихъ бурныхъ страстей.

Въ Лицеѣ многіе изъ товарищей сильно недолюбливали его. Оно и неудивительно: рѣзкій, заносчивый, задира, Пушкинъ точно искалъ

случаевъ поспориться, точно нарочно создавалъ ихъ. Въ театрѣ, проходя межъ рядовъ кресель, онъ останавливается, должно быть, разглядывая кого-нибудь (вспомнимъ Онѣгина, какъ онъ „входитъ, идетъ межъ кресель по ногамъ, двойной лорнетъ, косясь, наводитъ на логи незнакомыхъ дамъ“). Понятно, тому, передъ кѣмъ онъ остановился и по чьимъ ногамъ, если не по ступнямъ, то по колѣнкамъ онъ, можетъ быть, прошелся, это неудобно; сидящій въ креслѣ проситъ его отодвинуться, пройти дальше; но Пушкинъ, вмѣсто извиненія, ему же преподноситъ коробъ грубостей.

Онъ постоянно ищетъ сильныхъ ощущеній. Въ поискахъ за ними онъ мечтаетъ о Дунаѣ, объ участи въ турецкой войнѣ, пробирается въ дѣйствующую армію Паскевича въ Закавказьѣ, бродитъ съ цыганскимъ таборомъ по бессарабскимъ степямъ, „всякій день“, какъ гиперболически выражалась Карамзина, дерется на дуэляхъ, проводитъ бессонныя ночи за картами.

Потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ у него органическая, вплоть до самыхъ грубыхъ, физическихъ. Напарившись въ банѣ, онъ затѣмъ бросается въ ледяную ванну и, окунувшись, снова влѣзаетъ на полокъ стегать себя, въ горячемъ пару, вѣшникомъ. Зимой, прямо съ постели, идетъ, на этотъ разъ, въ нетопленную баню, пробиваетъ кулакомъ легкой слои льда въ заготовленной съ вечера ваннѣ, оказывается водой и, наскоро одѣвшись, вскакиваетъ на лошадь, гоняя ее по лугу, пока не взмылитъ и не согрѣется самъ.

А сколько у него было дуэлей, иногда изъ-за самыхъ пустяковъ, что называется, съ бухты барахту, здорово живешь! Что причины и поводы были не серьезны, это онъ самъ потомъ сознавалъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда его самолюбіе не подвергалось риску быть задѣтымъ, охотно шель на примиреніе.

Стоитъ во время танцевъ, въ котильонѣ, отбить у него даму, за которой онъ ухаживалъ, и противникъ, его же родственникъ, двоюродный братъ матери (Павель Исааковичъ Ганнибалъ), уже вызванъ. Правда, десять минут спустя все кончается мировой, даже объятіями, и танцы, веселье продолжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вызванный на дуэль, онъ тѣмъ болѣе никогда не откажется отъ нея; и когда противникъ, испытанный вояка (полковникъ Ставровъ), видя его хладнокровіе у барьера, говоритъ ему послѣ дуэли комплиментъ: „вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете“, — Пушкинъ, приведенный этою похвалою въ восторгъ, кидается обнимать своего „врага“ и съ той поры считаетъ своимъ долгомъ отзываться о немъ съ великимъ уваженіемъ. Тѣмъ не менѣе, на днѣ души шевелится червякъ: ему досадно, что ихъ помирили, что дуэль не была доведена до конца и что упущенъ прекрасный случай еще разъ подраться съ противникомъ, извѣстнымъ своею храбростью.

Онъ не зналъ, что такое опасность; онъ встрѣчалъ ее съ открытымъ челомъ. Становясь лицомъ къ лицу со смертью, онъ проявлялъ рѣдкостную невозмутимость, и когда дѣло доходило до барьера, онъ

являлся къ нему „холоднымъ, какъ ледъ“ (Липранди). Подъ пулей противника онъ, дѣйствительно, никогда не терялъ хладнокровія, и, конечно, именно это хладнокровіе породило легендарный разсказъ о томъ, будто на поединокъ съ офицеромъ Зубовымъ (въ Кишиневѣ) Пушкинъ явился съ черешнями и ѣлъ, пока тотъ стрѣлялъ (дуэль происходила зимою, и никакихъ черешенъ тогда не было).

Что это такое? Отнюдь не страсть къ дуэлямъ. Отнюдь не бреттерство; совсѣмъ не презрѣніе къ жизни или глумленье надъ смертью — это игра со смертью, это клокотаніе крови, это потребность испытать наслажденіе въ рискѣ своей жизнью. Не даромъ Пушкинъ былъ такой страстный игрокъ въ карты — до самозабвенія. Въ Папиновомъ котлѣ необходимо открыть предохранительный клапанъ, иначе его взорветъ, иначе человѣкъ задохнется подъ напоромъ клокочущихъ въ немъ силъ. Бреттеръ хладнокровно и безсердечно, безъ малѣйшаго содраганія убиваетъ противника; у Пушкина — неутомимая жажда взвентить до послѣдняго винтика нервы, свои и противника, заставить послѣдняго пережить минуту наивысшаго напряженія духа, полюбоваться, можетъ быть, блѣднымъ лицомъ дуэлянта, но никакъ не убивать. Если мысль объ убійствѣ когда и захватила его, если онъ и лелѣялъ страстное желаніе отправить къ праотцамъ своего врага, то едва ли не единственный разъ въ жизни — это когда направлялъ свою незадачливую пулю въ грудь Дантеса. Вспомнимъ, что говоритъ онъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (гл. 6-я, стр. 33-я):

„Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣситъ оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Неволью въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится.
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: „это я!“
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва-ль пріятно будетъ вамъ!“

Да, Пушкинъ любилъ жизнь, но онъ также любилъ и играть съ нею: имъ владѣла — повторимъ его собственное выраженіе — страсть все поставить на карту. Это было наслѣдіе Африки.

III. ПЕРВЫЕ УСПѢХИ НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПОПРИЩѢ.

12-тилѣтнимъ мальчикомъ поступивъ въ Лицей, Пушкинъ какихъ-нибудь три года спустя, т. е. все еще далеко не взрослымъ, и если уже юношей, то юношей все еще не сформировавшимся даже физически, не только духовно, уже выступаетъ на литературное поприще. Лѣтомъ

1814 года впервые объявился онъ въ печати. Еще робѣя, конфузясь. Это такъ естественно. Первое произведеніе нашего пера, отданное въ печать, невольно вызываетъ смѣшанное чувство сладостной тревоги: одновременно и хочется и пугаешься совершить этотъ первый шагъ. Это состояніе невѣсты, идущей подъ вѣнецъ, молодого пѣвца или пѣвицы, впервые выступающихъ на сценѣ передъ многочисленнымъ собраніемъ. Не хватаетъ смѣлости подписаться полнымъ именемъ, подставить себя подъ возможные удары безжалостной критики, а въ то же время такъ хочется заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ о томъ, что это твореніе твое, не кого иного, погордиться своею музою; такъ хочется, отдавая свое дѣтище въ чужія руки, не оторваться отъ него, сохранить родственную связь свою съ нимъ!...

Выходъ Пушкинъ нашель въ обычномъ для начинающихъ компромиссѣ: подъ шестистопнымъ ямбомъ своего довольно тяжеловѣснаго стихотворенія „Къ другу стихотворцу“ онъ ставитъ подпись „Александръ Н. К. Ш. П.“. Забрало опущено, но не совсѣмъ. Пожалуй, это даже не забрало, а скорѣе всего полупрозрачная вуаль. Ребусъ не особенно сложенъ. Кто не догадается, что, читая эти согласныя въ обратномъ порядкѣ, легко напасть на рѣшеніе? Конечно, ПШКН можетъ скрывать не только Пушкина, но и Пышкина, Пѣшкина: не заключетъ ли, однако, прелесть игры въ самой этой завуалированности, въ допустимости подобныхъ комбинацій? И мое, и не мое — какъ угодно вамъ, какъ захочу я!...

Во всякомъ случаѣ, первый шагъ сдѣланъ. А черезъ полгода наступитъ время и для второго. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, прочитанныя на публичномъ экзаменѣ, вызвали всеобщія похвалы, чуть не перешедшія въ бурю восторговъ. Самъ русскій Аполлонъ на русскомъ Парнассѣ — Державинъ — самъ онъ, верховный и заслуженный жрецъ поэзіи, „въ слезахъ обнялъ дрожащею рукой“ молодого поэта „и счастье предрекъ“ ему. Положеніе сразу измѣнилось: еще вчера НКШП конфузливо прятался въ уголъ, а сегодня его выводятъ на середину залы и показываютъ всѣмъ. Скрываться, очевидно, болѣе нечего; шифръ, по крайней мѣрѣ для данного случая, потерялъ всякій смыслъ, — и подъ „Воспоминаніями“, вызвавшими такое одобреніе, авторъ смѣло ставитъ теперь уже полную подпись: „Александръ Пушкинъ“.

Съ этой минуты, т. е. съ апрѣля 1815 года, Пушкинъ, еще не проживъ на свѣтѣ и полныхъ 16 лѣтъ, навсегда свяжетъ свое имя съ русской литературой, сдѣлается неотъемлемымъ ея достояніемъ. Съ этой же поры начнется и тотъ безконечно-длинный рядъ похвалъ и одобреній, что неустанно будутъ сопутствовать его имени вплоть до нашихъ дней. Измайловъ, издатель „Россійскаго Музеума“, помѣщая въ немъ „Воспоминанія въ Ц. Селѣ“, снабдилъ ихъ примѣчаніемъ такого содержанія: „за доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, талантъ котораго такъ много общаетъ“. А Дельвигъ — милый, вѣрный товарищъ! Какое любящее

сердце! — восхищенный успѣхомъ своего друга, пишетъ ему и печатаетъ особое посланіе, полностью, en toutes lettres, надписывая: „А. С. Пушкину“, полностью же именуя его и въ заключительныхъ строфахъ :

„Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.“

Впрочемъ, второй шагъ на пути самообнаженія пока еще не привелъ непосредственно къ третьему, четвертому. Пушкинъ и послѣ „Воспоминаній“ еще не рѣшается снять своего вуаля; какъ и раньше, онъ остается, въ новыхъ своихъ произведеніяхъ, прежнимъ НКШП или просто П.; правда, моментами онъ чуть совсѣмъ не сброситъ съ себя вуаля („А. Аннибаль-Пушкинъ“ подъ стих. „Козакъ“), но чаще всего ему недостаточно и этого покрывала, и онъ пользуется настоящимъ забраломъ — прячется за стѣну сложныхъ цифровыхъ комбинацій: „1... 14—16“; „1... 17—14“; или „1... 16—14“, гдѣ неизмѣнная цифра „14“ означаетъ номеръ его лицейской комнаты. Только въ годъ выпуска изъ Лицея поэтъ сброситъ маску и открыто выступитъ, какъ авторъ своихъ произведеній.

Въ концѣ марта 1816 года Лицей былъ обрадованъ посѣщеніемъ Карамзина. Карамзинъ возвращался изъ Петербурга къ себѣ въ Москву съ тѣмъ, чтобы взять тамъ семью и окончательно переселиться изъ Первопрестольной на берега Невы. Онъ ѣхалъ туда вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и Вас. Львов. Пушкинымъ, коренными москвичами; до Царскаго ихъ провожали Жуковскій, Батюшковъ, Ал. Тургеневъ, и всѣ они заглянули въ Лицей. Молодой Пушкинъ сразу очутился, хотя и на самое короткое время, въ кругу литературныхъ знаменитостей, признанныхъ королей русскаго литературнаго міра. Весь Лицей съ гордостью и волненіемъ готовился къ встрѣчѣ Карамзина. Родоначальникъ яркаго литературнаго направленія, давшій ему свое имя, Карамзинъ, помимо всего, предсталъ предъ лицеистами еще и въ завидномъ ореолѣ русскаго историографа, только-что закончившаго 8 томовъ монументальнаго труда. Въ Лицеѣ знали, что Карамзину имя Пушкина не безызвѣстно, что онъ „интересуется“ имъ. Самъ Пушкинъ, конечно, тоже ждалъ его появленія; и, надо думать, радостно забилось сердце юноши, когда знаменитый гость почтилъ его словами: „Пари, какъ орелъ, но не останавливайся въ полетѣ“. Значитъ, онъ можетъ парить, подобно орлу? И не только парить, но и взлетать все выше и выше? Excelsior! Excelsior!...

Черезъ два мѣсяца Карамзинъ вернулся изъ Москвы, устроился на лѣто въ Царскомъ, и Пушкинъ сталъ нерѣдкимъ, всегда желаннымъ посѣтителемъ его дома. Въ ту пору при Дворѣ справляли веселую свадьбу: младшую сестру государя, вел. княжну Анну Павловну, выдавали за принца Оранскаго, будущаго короля Нидерландскаго. Надо было сочинить привѣтственные стихи жениху — къ кому обратиться?

Старики — Нелединскій-Мелецкій — отказывались; имъ уже стала не по силамъ такая, въ сущности, незамысловатая задача: они уже не находили вдохновенія. Карамзинъ рекомендовалъ Пушкина, и тотъ черезъ два часа принесъ ему, а кто говоритъ, тутъ же, въ его присутствіи составилъ заказанное посланіе. Стихи были положены на музыку, пѣлись за параднымъ ужиномъ, а императрица-мать отблагодарила юнаго поэта золотыми часами съ цѣпочкой.

Чувствовалось, что восходитъ новое солнце. Восходило же оно какъ разъ, когда закатывалось старое: мѣсяцъ спустя послѣ Пушкинскихъ свадебныхъ стиховъ скончался Державинъ (9 іюля 1816 г.). На Пушкинѣ его смерть не оставила замѣтнаго слѣда. Позже онъ радостно вспомнитъ, какъ свѣтлое явленіе въ своей жизни, день 8 января 1815 года, — тотъ день, когда онъ читалъ свои „Воспоминанія“ передъ маститымъ „пѣвцомъ Екатерины“, когда предсталъ предъ нимъ на его судъ со своей еще неопытной музой, и, вспоминая, съ благодарностью скажетъ:

„Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ“;

позже, на разстояніи, онъ сумѣетъ лучше разсмотрѣть Державина, глубже понять и оцѣнить его, — сейчасъ же онъ весь полонъ жизни, самимъ собою; сейчасъ, у Карамзиныхъ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ихъ семейныхъ празднествахъ, ѣздитъ съ ними въ Петергофъ, катается по морю, любитъ иллуминаціей. Про себя онъ то же думаетъ, что и Жуковскій:

„Мертвый мирно спи во гробѣ,
Жизнью пользуйся живущій“.

Этого мудраго правила онъ будетъ неуклонно держаться въ теченіе всей своей жизни; тѣмъ болѣе захваченъ онъ имъ теперь, въ молодые годы. Державинъ сдѣлалъ свое дѣло; въ сущности, онъ уже пережилъ себя; чего-нибудь большаго, новаго, по сравненію съ тѣмъ, что онъ далъ, ждать отъ него было бы напрасно, а потому и смерть его не могла вызвать ощущенія великой потери, какою она станетъ для образованнаго русскаго общества нѣсколько позже, когда умретъ Карамзинъ, тѣмъ болѣе, когда умретъ самъ Пушкинъ.

Да и какъ думать о смерти, когда сама она становится орудіемъ напоминанія о жизни, о будущемъ, о томъ великомъ, что, повидимому, ожидаетъ его и что просвѣчиваетъ уже теперь даже сквозь траурный покровъ ея? Вонъ тотъ же Дельвигъ, правда, тѣми же влюбленными, пристрастными устами, уже спѣшитъ печатно назвать его преемникомъ ушедшаго старца-поэта!

Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирою? Кто? Пушкинъ! — говоритъ онъ и, обращаясь къ нему, продолжаетъ:

„Молися Каменамъ! и я за друга молю васъ, Камены!
Любите младаго пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!“

Да, старое солнце закатилось; восходитъ новое, и если оно только лишь показалось, еще не все вышло изъ-за горизонта, все же первые лучи его пали на землю гораздо дальше Царскаго Села и Павловска: въ Петербургѣ Арзамасъ избираетъ Пушкина, еще лицеиста, своимъ сочленомъ, а въ Москвѣ дядя читаетъ его стихотворенія въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности и печатаетъ ихъ въ его „Трудахъ“.

А потомъ, развѣ тѣ пять журналовъ, что помѣстили у себя, за время лицейской школы, свыше 30 его стихотвореній,¹⁾ развѣ они читаются въ Россіи въ одной только Москвѣ, въ одномъ Петербургѣ?... На рукахъ оставался еще большой неиспользованный рукописный багажъ,²⁾ но придетъ время и ему... если только новые, болѣе совершенные плоды его музы не вытѣснятъ старыхъ и не заставятъ забыть ихъ.

Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина наглядно и убѣдительно проявилась сила и красота его поэтическаго творчества. Ниспосланный ему даръ юноша вполне осозналъ уже въ эти годы; онъ уже напоенъ волшебной водой Иппокрены; онъ уже чувствуетъ присутствіе божественной гостии: муза посѣтила его, и вмѣстѣ съ нею онъ паритъ надъ смертнымъ міромъ. Доказательство этого сознанія та изумительная по красотѣ и изяществу картинка, завидная и для болѣе зрѣлаго пера, какую нарисовалъ онъ въ 15 лѣтъ, говоря о ночномъ посѣщеніи его геніемъ поэзіи:

„Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ,
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной;
И я въ тиши ночной
Сливаю голось свой
Съ пастушеской волынкой“.

(Городокъ, 1814)

Такъ говорить могъ только настоящій поэтъ, — поэтъ Божьею милостію. Какая яркость въ изображеніи! Какое согласіе между формой и содержаніемъ! Такія выраженія, какъ „тихо“, „шорохъ“, „плывутъ“, „дремлютъ“, „летаетъ невидимкой“, — текутъ одно за другимъ, въ полной гармоніи и въ органическомъ единствѣ съ полнымъ тре-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1814 г.: 5 стихотвореній; Россійскій Музеумъ 1815 г.: 18 стих.; Сынъ Отечества 1815 г.: 1 стих.; Сѣверный Наблюдатель 1817 г.: 5 стих., всѣ за полною подписью; Труды Вольнаго Общества Любит. Росс. Словесн. 1817: 3 стих. тоже всѣ за, полною подписью (впрочемъ, третье было напечатано уже по выходѣ Пушкина изъ Лицея).

²⁾ За время пребыванія въ Лицеѣ Пушкинъ написалъ до 130 стихотвореній, крупныхъ и мелкихъ.

пета ощущеніемъ того вдохновенія, что несетъ съ собою таинственный, чудный гость, — вдохновенія, глазомъ не уловимаго, слухомъ не ощутимаго и, тѣмъ не менѣе, сильнаго, неотразимаго. Легкая, свѣтло-прозрачная дымка обвѣяла невѣсомымъ покровомъ созданный поэтомъ образъ, и намъ становится понятнымъ восхищеніе, какое вызывали въ современникахъ Пушкина его даже первыя, сравнительно еще слабыя стихотворенія.

Такъ постепенно царскосельскій лицеистъ преобразовывался въ литератора-поэта, пока еще не подозрѣвая, что на русскомъ Парнасѣ ему уготовано первое, самое почетное мѣсто, еще никогда никѣмъ не бывшее занятымъ, всецѣло дѣвственное, исключительно для него предназначенное.

РУССКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПРАГѢ

**ПУШКИНСКІЙ
СБОРНИКЪ**

1929

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“, ПРАГА